

1

Перечитывающая Пашуканиса: заметки к дискуссии

Антонио Негри

Университет Падуи

Перечитывающая Пашуканиса: заметки к дискуссии

Аннотация

Статья была впервые опубликована на итальянском в 1973 году и вместе с новым послесловием, написанным в 2016 году, была предложена автором в ответ на тему текущего номера журнала «Стасис». В этой работе Негри настаивает на радикальной новизне марксистской теории права, развитой

выдающимся правоведом и мыслителем Евгением Пашуканисом (1891–1937), а также на революционных основаниях его мысли. В своем анализе, направленном против нормализующих и институциональных прочтений, Негри одновременно тщательно и полемически реконструирует эти радикальные элементы. Он совершает впечатляющий переход от анализа формы стоимости, государства и капиталистического господства у Маркса к обсуждению теории Пашуканиса, который раскрыл связь этих элементов с юридической «формой» и генезисом права в буржуазном обществе. Это глубокое прочтение Пашуканиса вместе с собственной политической мыслью Негри, которая формировалась в 1970-е годы, предвосхищает его позднейшую работу, включавшую в себя анализ юридических форм глобальной «Империи». В послесловии, написанном

40 лет спустя, Негри возвращается к своему прочтению, чтобы обновить его в свете новых дискуссий и показать непреходящее значение работы Пашуканиса. Таким образом, этот важный вклад в политическую философию и правовую теорию марксизма впервые становится доступным для международного читателя (*Ред.*).

Ключевые слова

Евгений Пашуканис, советский марксизм, право, форма стоимости, капитализм, государство, итальянский операизм

Право в мире товара

«Подобно тому, как богатство капиталистического общества принимает форму громадного скопления товаров, само общество представляется бесконечной цепью юридических отношений» (Пашуканис 1927: 41). Так Пашуканис вводит нас в мир юридической мистификации, напоминая при этом, что даже если право является идеологией и фетишем, тем не менее оно реально. «Государство есть не только идеологическая форма, но в то же время и форма общественного бытия. Идеологизм понятия не уничтожает реальности и материальности тех отношений, которые оно выражает» (Пашуканис 1927: 33). Поэтому «мы ставим себе вопрос, *возможно ли понимать право, как общественное отношение, в том же смысле, в каком Маркс называл капитал общественным отношением*» (Пашуканис 1927: 32, курсив оригинала).

Общественное отношение, мир общественных отношений, мир товаров. Мы находимся глубоко на территории Маркса. Уже в первом отделе первой книги «Капитала», анализируя феноменологию меновой стоимости, Маркс пишет, что в нынешних условиях обмен предполагает участников, которые «должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, — все равно закреплен ли он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением» (Маркс 1960: 94). Именно это и ничто другое и есть связь — внутренняя и материальная — между юридической волей и ее экономическим содержанием. «Лица существуют здесь одно для другого лишь как представители товаров, т. е. как товаровладельцы» (Маркс 1960: 95). Идеалисты, напротив, наделяют это отношение автономной реальностью. Возьмем, например, Прудона. Маркс говорит, что он:

...сначала черпает свой идеал вечной справедливости, *justice éternelle*, из юридических отношений, соответствующих товарному производству, чем дает, кстати сказать, столь утешительное для всех филлистов доказательство того, что форма товарного производства столь же вечна, как справедливость. Затем он старается, наоборот, преобразовать в соответствии с этим идеалом справедливости действительное товарное производство и соответствующее ему действительное право. Что мы сказали бы о химике, который, вместо того чтобы исследовать действительные законы обмена веществ и разрешать на основе их определенные задачи, захотел бы преобразовать обмен веществ сообразно «вечным идеям» *naturalité* и *affinité* [«естества» и «сродства»]? Когда нам говорят, что ростовщичество противоречит *justice éternelle* [«вечной справедливости»], *équité éternelle*, *mutualité éternelle* [«вечному равенству», «вечной взаимности»] и другим *verités éternelles* [«вечным истинам»], то разве мы узнаем о ростовщичестве хоть немного больше, чем знали еще отцы церкви, когда они говорили, что ростовщичество противоречит *grâce éternelle*, *foi éternelle*, *volonté éternelle de Dieu* [вечному милосердию, вечной вере, вечной воле божьей]? (Маркс 1960: 95, примеч.).

Здесь план исследования Маркса полностью проясняется: «В ходе исследования мы вообще увидим, что характерные экономические маски лиц — это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу» (Маркс 1960: 95).

Но форма не просто отсылает к материальности содержания обмена, к общей обмениваемости товаров, она одновременно является мистификацией капиталистического командования над обмениваемостью товаров:¹

Форма всеобщей непосредственной обмениваемости не обнаруживает при первом взгляде на нее того обстоятельства, что она — противоречивая товарная форма, так же неразрывно связанная с формой не непосредственной обмениваемости, как положительный полюс магнита с его отрицательным полюсом. Поэтому столь же допустимо вообразить себе, что на все товары одновременно можно наложить печать непосредственной обмениваемости, как допусти-

---

¹ В первом томе «Капитала» Маркс систематически использует термин «командование» (нем. *Kommando*), заимствованный из военного лексикона. Он пишет о «командовании» капитала над трудом и отличает этот комплекс отношений (отдача распоряжений и инструкций, надзор и контроль), который складывается в процессе производства прибавочной стоимости, от политической власти и внеэкономического принуждения. В своей работе Негри также систематически следует этому словоупотреблению (Примеч. ред. — А. П.).

мо вообразить, что всех католиков можно сделать папами. Для мелкого буржуа, который в товарном производстве видит *nes plus ultra* [вершину] человеческой свободы и личной независимости, было бы, конечно, в высшей степени желательно устранить недостатки, связанные с этой формой, в особенности же тот недостаток товаров, что они не обладают непосредственной обмениваемостью. Размалевывание этой филистерской утопии и составляет прудоновский социализм... (Маркс 1960: 78, примеч.).

Поэтому форма товара сущностно антагонистична: «Мы видели, что процесс обмена товаров заключает в себе противоречание и исключающие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения» (Маркс 1960: 113).

Но рассуждение Маркса приходит к своему логическому завершению лишь тогда, когда сущностная противоречивость формы товара воплощается в товарной форме труда, в рабочей силе. Здесь форма товара раскрывается полностью и полностью раскрывает работу собственной противоречивости:

Закон присвоения, или закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, превращается путем собственной, внутренней, неизбежной диалектики в свою прямую противоположность. Обмен эквивалентов, каковым представлялась первоначальная операция, претерпел такие изменения, что в результате он оказывается лишь внешней видимостью; в самом деле, часть капитала, обмененная на рабочую силу, во-первых, сама является лишь частью продукта чужого труда, присвоенного без эквивалента; во-вторых, она должна быть не только возмещена создавшим ее рабочим, но возмещена с новым избытком. Отношение обмена между капиталистом и рабочим становится, таким образом, только видимостью, принадлежащей процессу обращения, пустой формой, которая чужда своему собственному содержанию и лишь затемняет его. Постоянная купля и продажа рабочей силы есть форма. Содержание же заключается в том, что капиталист часть уже овеществленного чужого труда, постоянно присваиваемого им без эквивалента, снова и снова обменивает на большее количество живого чужого труда (Маркс 1960: 596–597).

Таким образом, абстракция «товар» конкретизируется в своем антиномическом содержании и анализ достигает фундаментального ядра — определения общего плана эксплуатации и условий классово-вой борьбы. «Первоначально право собственности выступало перед нами как право, основанное на собственном труде. [...] Теперь же оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать

чужой неоплаченный труд или его продукт, для рабочего — невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходным пунктом которого было, по-видимому, их тождество» (Маркс 1960: 597).

В форме товара и права, а значит, в совокупности мира товаров, организация рабочей силы и командование, обеспечивающее эксплуатацию, с необходимостью сосуществуют. Антагонизм формы и есть прежде всего такое сосуществование, которое хотело бы предстать в виде мистификации эксплуатации и отрицания классовой борьбы. Но уже молодой Маркс, подступаясь к этому отношению, видит не только антагонизм формы, но и ее антагонистическое развитие:

Отношение частной собственности содержит в себе в скрытом виде отношение частной собственности как *труда* и ее отношение как *капитала*, а также *отношение* обоих этих выражений друг к другу. Производство человеческой деятельности как *труда*, т. е. деятельности совершенно чуждой себе, человеку и природе, и потому совершенно чуждой сознанию и жизненному проявлению, *абстрактное* существование человека исключительно лишь как *человека труда*, который поэтому ежедневно может скатиться из своего заполненного ничто в абсолютное ничто, в свое общественное и потому действительное небытие. Как и, с другой стороны, производство предмета человеческой деятельности как *капитала*, где *стерта* всякая природная и общественная определенность предмета и где частная собственность утратила свои природные и общественные качества (стало быть, утратила все политические и социальные иллюзии и не имеет даже *видимости* человеческих отношений), *один и тот же* капитал в самых разнообразных формах природного и общественного бытия остается *одним и тем же*, совершенно безразличным к своему *действительному* содержанию — эта противоположность труда и капитала, будучи доведена до крайности, неизбежно становится высшим пунктом, высшей ступенью и гибелью всего отношения² (Маркс 1974: 102).

Скрытый антагонизм формы является двигателем, работающим на исчезновение самой формы; рабочая борьба разрушит форму тогда, когда сама разовьется как необходимый момент антагонизма. Этот процесс не является неопределенным — он подтверждается ходом классовой борьбы; юридическая иллюзия атакуется напрямую

---

² Ср. с более ранним текстом Энгельса «Наброски к критике политической экономии» (Энгельс 1955: 544–571).

в зависимости от размаха коммунистической борьбы и при таком ходе событий напрямую демистифицируется. Маркс саркастически добавляет: «Ленге всего одним словом опрокинул иллюзорный “Esprit de lois” [“Дух законов”] Монтескье: “L’esprit de lois, c’est la propriété” [“Собственность — вот дух законов”]» (Маркс 1960: 629).

Благодаря усилиям Пашуканиса мы можем проследить понимание юридической формы у Маркса: она рождается из меновой стоимости в самом сердце мира товаров; она скрывает присвоение, являющееся его содержанием; от общей формы товара она получает свою особую антиномическую конфигурацию — располагаясь между организацией и командованием, организацией эксплуатации и для эксплуатации, — и в то самое время, когда она пытается совладать с этим антагонизмом, она подчиняется тенденции к собственному разрушению. Эти усилия полностью окупили себя: Пашуканис действительно был в числе первых³ (и, к сожалению, в числе последних марксистских теоретиков права), кто верно уловил марксовскую точку зрения, в оптике которой — по ту сторону от абстрактного и схоластического противопоставления базиса и надстройки — право диалектически рассматривается как форма реального процесса обмена, лицевая сторона меновой стоимости. До него лишь такой внимательный (но внешний марксизму) наблюдатель, как Эмиль Ласк, а также Дьердь Лукач в своих кипучих, но отрывочных изысканиях, настаивали на таком подходе.⁴ Но является ли анализ юридической формы Пашуканиса столь же радикальным, как и анализ Маркса? Способен ли он достичь марксовской интенсивности, чтобы уловить внутри феноменологии формы всю амплитуду антагонизма и разрушительную силу, с которой на него действует классовая борьба?

Постановка этих вопросов оправдана, поскольку целый ряд интерпретаторов-современников юридической мысли Пашуканиса настаивали, скорее, на реалистических выводах из нее, нежели принимали фундаментально революционную тональность его творчества; точнее говоря, они пытались вписать его в ревизионистское и просто обновленное русло в рамках действующих теорий буржуазного права, квалифицируя его творчество как социологическую и институциональную версию последнего.⁵ По этой причине мы и хотим попытаться понять, в какой мере Пашуканис действительно принадлежит марксистской теории права — и, соответственно, оценить,

³ О чем он сам с полным правом говорит, возражая Стучке (см. Пашуканис 1927: 8–9).

⁴ См. (Lask 1923b; Лукач 2003). Об этих предшественниках Пашуканиса см. предисловие Корша 1930 года в (Korsch 1970: 12).

⁵ См. введение Умберто Черрони к переводу «Общей теории права» (Cerroni 1964: XXXIII ff.), а также (Guastini 1971: 392–400, 401–408).

насколько рассмотрение права на уровне базиса и формы может служить опорой для революционной точки зрения.

Разумеется, ревизионистское прочтение Пашуканиса имеет определенные основания. Он и в самом деле исходит из поисков «специфики» права — поисков, принадлежащих почтенной традиции, где, в числе прочего, продолжают поднимать проблему, раздутую в юридическом неокантианстве. «Но если абстрактные определения правовой формы указывают не только на известные психологические или идеологические процессы, но суть понятия, выражающие объективное общественное отношение, то в каком смысле мы говорим, что право регулирует общественные отношения? Ведь не хотим же мы этим сказать, что общественные отношения регулируют сами себя? Или когда мы говорим, что то или иное общественное отношение принимает юридическую форму, то ведь это не должно означать простой тавтологии: право принимает форму права» (Пашуканис 1927: 34–35). Ответ заключается в том, что «мы выпутаемся из этого кажущегося противоречия, если путем анализа основных определений права нам удастся показать, что оно представляет собой мистифицированную форму некоего специфического социального отношения» (Пашуканис 1927: 36). Иными словами, *«регулирование общественных отношений при известных условиях принимает правовой характер»* (Пашуканис 1927: 36, курсив оригинала). Каковы же эти условия? Следуя Гумпловичу, Пашуканис утверждает, что «наиболее консолидированное ядро юридической туманности [...] лежит как раз в области частно-правовых отношений» (Пашуканис 1927: 37). «Основной предпосылкой правового регулирования является, таким образом, противоположность частных интересов. Это в одно и то же время логическая предпосылка юридической формы и реальная причина развития юридической надстройки. Поведение людей может регулироваться самыми сложными правилами, но юридический момент в этом регулировании начинается там, где начинается обособленность и противоположность интересов» (Пашуканис 1927: 37–38). Поэтому специфику юридического отношения необходимо искать в «том социальном отношении *sui generis*, неизбежным отражением которого является форма права», и это означает, «что этим отношением является отношение товаровладельцев» (Пашуканис 1927: 39).

Отсюда недалеко до частнособственнической и институциональной концепции происхождения юридического порядка: подчас все это напоминает отдельные пассажи раннего Кроче или Санти Романо о «праве проприетеров». Но давайте последуем за Пашуканисом. «Путь от производственного отношения к правовому отношению или отношению собственности — короче, чем это представляет себе так называемая позитивная юриспруденция, которая не может обойтись без посредствующего звена — государственной власти и ее

норм. Человек, производящий в обществе, — вот предпосылка, из которой исходит экономическая теория. Из той же основной предпосылки должна исходить общая теория права, поскольку она имеет дело с основными определениями» (Пашуканис 1927: 47–48). Поэтому первоначальный тезис будет переобоснован с исторической и динамической точки зрения: частнособственнический генезис права теперь рассматривается как развитие судебного процесса, когда именно иск и тяжба шаг за шагом задают конфигурацию юридической надстройки и ее совершенствуют (Пашуканис 1927: 48). «Я не только указал, что генезис правовой формы следует искать в отношениях обмена, но и выделил тот момент, который, с моей точки зрения, представляет собой наиболее полную реализацию правовой формы, а именно — суд и судебный процесс» (Пашуканис 1927: 8). Вследствие этого здесь воспроизводится и усиливается другая тема институциональной, частнособственнической и социологической концепции права — полемика против нормативистского этатизма. «Государственная власть вносит в правовую структуру четкость и устойчивость, но она не создает ее предпосылок, которые коренятся в материальных, т. е. производственных, отношениях» (Пашуканис 1927: 49). И еще: «Совершенно очевидно, что логика юридических понятий соответствует логике социальных отношений товарнопроизводящего общества, и именно в них, в этих отношениях, а не в разрешении начальства следует искать корень системы частного права. Наоборот, логика отношений власти и подчинения лишь отчасти укладывается в систему юридических понятий. Поэтому юридическое понимание государства никогда не может стать теорией, но всегда будет представляться как идеологическое извращение фактов» (Пашуканис 1927: 50).

Действительно, здесь немало поводов для ревизионистской интерпретации мысли Пашуканиса. Если согласиться с Хансом Кельзором в том, что у Пашуканиса «все право есть частное право», если «публичное право является чистой идеологией буржуазных юристов» (Kelsen 1956: 146–148), если происхождение юридического порядка является прямолинейным [идушим от частной собственности. — *Примеч. перев.*] и институциональным, то антагонистическое и диалектическое сосуществование функций организации и командования, обеспечивающего эксплуатацию, бывшее главной особенностью марксовской концепции права, окажется упущенным. Структурное определение права неизбежно становится генеалогическим, поскольку принципиально исключает — нет, не обмен вообще, но именно тот особый обмен между рабочей силой как товаром и капиталом, на котором основаны капиталистический процесс и общественное существование данного способа производства как таковые. И такая генеалогия сразу оказывается односторонней, поскольку отсутствие научного понятия обмена и эксплуатации лишает исследо-

вание возможности определить связь между обменом внутри мира товаров и совокупным капиталом — т. е. определить авторитет, командные полномочия государства.

Таким образом, частному собственнику придается радикальная функция основания правового порядка, что является чистой иллюзией. Ревизионизм подхватывает эту линию и на ее основании предлагает прочтение Пашуканиса, которое подают в качестве научно-продуктивного и, что еще хуже, в качестве подлинно марксистского. Однако в таком случае — если бы это действительно была основная концепция Пашуканиса — мы имели бы дело скорее с одной из радикальных концепций философии юридического действия, *actio* как телеологического момента образования порядка, подобно тому как это понимается в традиции исследований римского права — здесь качественно подновленной.⁶ Но неужели Пашуканиса можно свести к этому?

На самом деле, параллельно этой тенденции и в диалектическом отношении с ней у Пашуканиса выстраивается совершенно иной, верный и действенный подход: на поверку сложная диаграмма его мысли оказывается радикально противоположной той, какой бы хотел ее видеть ревизионизм. Те же самые категории — субъект, договор, собственность, судебный процесс, — казавшиеся неразрывными в процессе образования и институционализации, здесь, напротив, предстают в качестве противоречивых и дискретных, заново соединяемых одной лишь диалектикой капитала. «Всеобщность» капитализма не образуется согласно восходящему ритму отношения «субъективные притязания — рынок (тяжба) — институция», но объясняется тем, как она сочленяет эксплуатацию и мистификацию эксплуатации.

Возьмем, например, фундаментальную категорию — юридического субъекта. Анализ формы субъекта должен исходить (как это было сделано у Маркса) непосредственно из формы товара (Пашуканис 1927: 64): подобно тому как товар является формой, в которой стабилизируется капиталистическое производство, субъект конструируется в качестве абстракции и формализации капиталистического развития. «Поэтому одновременно с тем, как продукт труда приобретает свойство товара и становится носителем стоимости, человек приобретает свойство юридического субъекта и становится носителем права» (Пашуканис 1927: 64–65). «Товарный фетишизм восполняется правовым фетишизмом» (Пашуканис 1927: 69). Капиталистическое общество именно как целое предопределяет и формирует свои собственные компоненты. «Итак, на известной ступени разви-

---

⁶ Подновленной относительно классических концепций Иеринга и Виндшейда. Схожая точка зрения представлена Э. Ласком, возможно, не столько в его “*Rechtsphilosophie*”, сколько в “*Fichtes Idealismus und die Geschichte*” (Lask 1923a).

тия отношения людей в процессе производства получают вдвойне загадочную форму. Они, с одной стороны, выступают, как отношения вещей-товаров, а с другой стороны — как волевые отношения независимых и равных друг другу единиц — юридических субъектов. Наряду с мистическим свойством стоимости появляется не менее загадочная вещь — право. Вместе с тем единое целостное отношение приобретает два основных абстрактных аспекта — экономический и юридический» (Пашуканис 1927: 69). «По мере роста социально регулируемых сил субъект утрачивает свою материальную осязательность. Его личная энергия заменяется мощью социальной, т. е. классовой организации, которая находит свое высшее выражение в государстве. Здесь безличному и абстрактному субъекту соответствует, как его отражение, безличная абстрактная государственная власть, действующая с идеальной равномерностью и непрерывностью в пространстве и времени» (Пашуканис 1927: 69–70). Следовательно, форма субъекта с необходимостью антиномична: в своей абстракции она стремится сомкнуть притязание и норму, собственность и рынок, борьбу за права и капиталистическое развитие (Пашуканис 1927: 70–73). Субъект и государство становятся здесь крайними пределами тотальной взаимозаменяемости компонентов капиталистического общества, чье единство по этой самой причине неизбежно является противоречивым и предельно антагонистичным. В таком случае процесс образования юридических категорий утрачивает свою «естественность», оказываясь формой капиталистической мифификации обращения и воспроизводства капитала, расширением и углублением эксплуатации.

Конечно, подчас и на этих страницах Пашуканиса мы можем зафиксировать определенную редукцию юридических категорий и формы права к области простого товарного обмена — как будто именно к этому и сводится юридическое регулирование капиталистического общества. Если выразить это в терминах, использованных Поллом Суизи по другому поводу, может показаться, что у Пашуканиса иногда проступает скорее смитовская, нежели марксовская, концепция обмена — в том смысле, что он, возможно, излишне жестко связывает важнейший технический феномен экономической жизни, разделение труда (а значит, и подчинение начальству), с простым и чистым обменом, в то время как у Маркса именно капиталистическое производство товаров и лежащая в его основании эксплуатация определяют свойства обмена (Sweezy 1951: 45–48). Кроме того, очевидно, что центральная роль обмена между рабочей силой и капиталом — ключевая для любых артикуляций власти — в некоторых отрывках явно недооценивается. Тем не менее Карл Корш промахивается и даже серьезно искажает смысл, когда избличает на этих страницах «крайне странное для марксиста преувеличение товарооборота, понимаемого Пашуканисом не только как определяющее основание

традиционной идеологии собственности, но как единственный экономический фундамент современной собственности» (Korsch 1970: 21). Мысль Пашуканиса здесь искажается, поскольку за пределами этих двусмысленностей решающее значение имеет его марксистское понимание совокупной картины. Полемизируя с Реннером-Карнером,⁷ Пашуканис открыто демонстрирует радикальность марксистских положений: образование капиталистического рынка, завершившись, обуславливает качественный скачок в юридической форме, и поэтому понятийная или функциональная непрерывность юридических категорий исчезает. Между «частным присвоением» с целью использования и «частным присвоением» с целью капиталистического обмена обнаруживается абсолютное различие. Именно целое определяет части: феномен обмена отныне существует только будучи включенным в динамику эксплуатации, и он не может быть от нее отделен, а само необходимое происхождение права из частной собственности полностью абсорбируется и преобразуется в тотальности капиталистического проекта эксплуатации.

Этого будет достаточно для ответа на первоначальный вопрос о радикальности марксистских тезисов Пашуканиса. Совокупная структура капитала перемещается в центр, эта структура основана на эксплуатации, на одновременности и сосуществовании организации и обеспечивающего эксплуатацию командования, одновременности и сосуществовании гражданского общества и государства. Здесь критика видит в новом свете властную (*autoritativa*) специфику юридического отношения: она рассматривает ее не как реалистскую иллюзию общества, противостоящего государству, но понимает ее материалистически как форму взаимопроникновения общества и государства. Классовая борьба сможет пойти по этому пути, но не во имя общества против государства, а напрямую, как борьба эксплуатируемых классов против государства с целью разрушения общества капитала. Противоречия институционализма разрешаются тогда, когда праву, являющемуся формой товара, придается (как это и было у Маркса) общее качество мира товаров, т. е. фетишизм, и когда реальность скрытого здесь антагонизма в неприкрытом виде предстает перед рабочей борьбой. К этому моменту от юридического институционализма и концепции частнособственнического происхождения права остается одна лишь символическая отсылка к ряду отношений, регистрируемых, но не разрешимых на уровне права. Поэтому здесь впервые открывается возможность и для такого прочтения творчества Пашуканиса, которое удержало бы для революци-

---

⁷ См. (Пашуканис 1927: 74–76). Имеется в виду книга K. Renner “Die soziale Funktion des Rechts”, впервые вышедшая в 1904 году под псевдонимом Карнер (Renner 1904). Второе, полностью переработанное издание вышло в 1929-м (Renner 1929).

онного марксизма его «сердцевину», подчас двусмысленную и незавершенную, но в конечном счете чрезвычайно конструктивную с точки зрения рабочей борьбы.

Право в движении прибавочной стоимости

Следовательно, «критика буржуазной юриспруденции с точки зрения научного социализма должна взять за образец критику буржуазной политической экономии, как ее дал Маркс. Для этого она должна прежде всего отправиться на территорию врага, т. е. не отбрасывать в сторону те обобщения и абстракции, которые были выработаны буржуазными юристами, исходившими из потребностей своего времени и своего класса, но, подвергнув анализу эти абстрактные категории, вскрыть истинное их значение, т. е. другими словами, показать историческую обусловленность правовой формы» (Пашуканис 1927: 24). Но, как мы видели, этого недостаточно: если аналогично политической экономии «теория права оперирует абстракциями не менее “искусственными”», тем не менее «и за этими абстракциями скрываются вполне реальные общественные силы», из чего следует, что «оно [право] существует не иначе как в противоположностях» (Пашуканис 1927: 19–20). Но и этого недостаточно. Если «только буржуазно-капиталистическое общество создает все необходимые условия для того, чтобы юридический момент в социальных отношениях достиг полной определенности» (Пашуканис 1927: 19), то возникает вопрос: каким образом противоречия (регулируемые правом и производителями права) разворачиваются в процессе, в котором юридическая форма стремится к своему завершению и максимальной реализации своей специфики?

Преодоление уже встреченных нами трудностей мысли Пашуканиса и возможность использовать его теоретический аппарат для анализа нынешней ситуации так или иначе зависят от ответа на данный вопрос. Именно здесь, после преодоления этих трудностей, понятие права связывается не только с миром товара, но и с законом стоимости, его функционированием, его тенденцией и производимыми им результатами. Только в углубленном изучении отношения между противоречиями и тенденцией марксистская наука становится взрывной наукой практики.

Значительная часть рассуждений Пашуканиса относится к методологии. Первая глава «Общей теории права» («Методы построения конкретного в абстрактных науках») представляет собой превосходное прочтение и переработку «Введения в критику политической экономии» Маркса. Три реактивированных фундаментальных понятия — это определенная абстракция всеобщности (совокупности), принцип диалектической определенности и, наконец, принцип

развития. Эти понятия «всецело применимы к общей теории права. И в данном случае конкретная совокупность — общество, население, государство — должна явиться результатом и конечной ступенью наших рассуждений, но не их исходным пунктом» (Пашуканис 1927: 26). Это становится возможным потому, что, в отличие от естественных наук, «в *pendant* к истории понятия, составляющей часть истории экономических учений, мы имеем реальную историю стоимости, т. е. развитие человеческих отношений, постепенно сделавших это понятие исторической действительностью» (Пашуканис 1927: 26). «Таким образом, развитие понятий соответствует реальной диалектике исторического процесса»; «таким образом, и право, взятое в его общих определениях, право, как форма, существует не только в головах и в теориях ученых юристов. Оно имеет параллельно реальную историю, которая развертывается не как система мыслей, но как особая система отношений, в которую люди вступают не потому, что они ее сознательно избрали, а потому, что к этому их вынуждают условия производства. Человек превращается в юридического субъекта в силу той же необходимости, в силу которой натуральный продукт превращается в товар с его загадочным свойством стоимости» (Пашуканис 1927: 27). Если это верно, то мы можем «достичь ясных и исчерпывающих определений, только положив в основу анализа вполне развитую форму права, которая дает истолкование предшествующим, как своим эмбрионам. Только в этом случае мы постигнем право не как принадлежность абстрактного человеческого общества, но как историческую категорию, отвечающую определенной общественной среде, построенной на противоположности частных интересов» (Пашуканис 1927: 30). Общая диалектика исторического процесса ведет право к «той высшей стадии развития», находясь на которой возможно обозревать весь процесс.

Именно на этой материальности развития-тенденции нам необходимо остановиться. Право как властная форма общественного отношения эксплуатации должно демонстрировать в развитии свой зародыш — так же, как в зародыше можно различить будущее развитие. В своем развитии право тоже является «абстракцией *in actu*» (Маркс 1961a: 121), но наука раскрывает материальность этой абстракции. Каково же тогда направление этого движения? «Стремление сделать идею внешнего регулирования основным логическим моментом в праве приводит к отождествлению права и авторитарно устанавливаемого социального порядка. Это течение юридической мысли верно отражает дух эпохи, когда на смену манчестерству и свободной конкуренции пришли крупнокапиталистические монополии и политика империализма» (Пашуканис 1927: 55). В таких условиях противоположность частного и публичного, организации интересов и капиталистического господства, — являющаяся, однако, «наиболее характерной особенностью правовой формы как таковой», — усугуб-

ляется «как со стороны логической, так и со стороны исторической» (Пашуканис 1927: 59). Тенденция капиталистического развития и юридической формы капиталистического общества состоит в обострении противоречий, которые право контролирует и мистифицирует в их зародышевом виде. В реализованной тенденции мы можем различить мистифицированное происхождение права.

Однако Пашуканису не удается удержаться на этом уровне анализа. Марксистская корректность предложенной методологии достигает такой высоты прогнозирования лишь на миг, чтобы тут же с нее скатиться. Контекст анализа здесь скорее разочаровывает. Если тенденция определена таким образом, то как согласовать ее с отказом от нормативизма? Именно такой вопрос должен поставить Пашуканис. И ответ оказывается самоубийственным прыжком в утопизм. «Нетрудно показать, что идея безусловного повиновения внешнему нормоустанавливающему авторитету не имеет ничего общего с правовой формой» (Пашуканис 1927: 55).

«Государственное право может существовать только как отображение частноправовой формы в сфере политической организации, или оно вообще перестает быть правом. Всякая попытка изобразить социальную функцию тем, что она есть, т. е. просто социальной функцией, а норму — просто организационным правилом, означает смерть правовой формы. Однако реальной предпосылкой для этого преодоления правовой формы и правовой идеологии является такое состояние общества, в котором изжито само противоречие между индивидуальным и социальным интересами» (Пашуканис 1927: 57). Хотелось бы! На самом деле, первая попытка подступиться к тенденции показала — в приблизительных, но реальных терминах, как бывает всегда, когда речь идет о законах развития, — что капиталистическое развитие в своей высшей стадии стремилось разделить организацию и господство, власть и легитимацию власти. Разумеется, частнособственническая мифология формализма Пашуканиса не скрывает действительность процесса. Разумеется, процесс развития можно определять посредством приближения и через самые разные взаимодействия — но также верно и то, что в конечном счете он выражается в терминах, в точности противоположных тем, что здесь употребляет Пашуканис: «Таким образом, само понятие публичного права может быть развито только в этом его движении, в котором оно как бы постоянно отталкивается от частного права, стремясь определить себя как противоположность последнего, и затем вновь возвращается к нему, как к своему центру тяготения» (Пашуканис 1927: 59). Как раз наоборот, именно публичное право в своем развитии дает автономию, причем лишь диалектическую, частному праву!

И все же, несмотря на такие серьезные ограничения, именно в этой проблематике развития работа Пашуканиса ближе всего подходит к анализу Маркса по своему методу и развивает его,

обновляя его содержание. Потому что именно здесь Пашуканис, во-первых, показывает, что определение юридической формы может быть обретоно — положительно или отрицательно — только в ходе развития; во-вторых, мыслит развитие как результирующую от определяющих антагонистических функций. Это то, что касается его метода. В том, что касается сущности или содержания — каким бы ни был выбор Пашуканиса, впрочем, связанный, как мы увидим, с ограничениями современной ему советской коммунистической программы, его подход нацелен в первую очередь на определение командования как фундаментального момента развития (или разрушения) права — в любом случае, как фундаментального момента капиталистической юридической тенденции «на ее высшей стадии». Этот подход имплицитно предполагает понимание, уже не методологическое, но сущностное, связи права и прибавочной стоимости — точнее, понимание связи права и перипетий эксплуатации в терминах прибавочной стоимости. То, к чему мы пришли, анализируя право в мире товаров в статичной форме, теперь предстает перед нами в динамической и исторической форме. Анализ функционирования противоречия эффективно схватывает тенденцию, историю процесса эксплуатации и историю классовых сил в этом процессе. Только так с точки зрения реализующейся тенденции можно действительно оценить тот или иной общественный феномен в его целом — в данном случае специфику права.

Такова точка зрения и самого Маркса. Но чтобы это показать, необходимо заново вернуться к точке, в которой определение права в качестве формы капиталистического отношения между товарладельцами сверяется с историческими переплетениями эксплуатации. «Итак, капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга. [...] Капитал может увеличиваться, лишь обмениваясь на труд, лишь вызывая к жизни наемный труд. Наемный труд может обмениваться на капитал лишь при том условии, если он увеличивает капитал, усиливает ту самую власть, рабом которой он является» (Маркс 1957а: 444–445). Исторический переход играет определяющую роль. Здесь право как форма капиталистического отношения целиком переходит в форму отношения между рабочей силой и капиталом, в форму отношения прибавочной стоимости. Право есть форма отношения между организацией и командованием, обеспечивающим эксплуатацию. Лишь тогда, когда капитал до предела разовьет это отношение («разделение труда неизбежно влечет за собой еще большее разделение труда, применение машин — еще более широкое применение машин, производство в крупном масштабе — производство в еще более крупном масштабе» [Маркс 1957а: 454]), лишь с этого момента роль права становится центральной. Можем ли мы тогда сказать, что право — это властная

форма общественного отношения, нацеленного на производство прибавочной стоимости? И в особенности относительной прибавочной стоимости — в форме способа производства, требующего подавляющей организации эксплуатации? Это первая гипотеза, возникающая в связи с анализом концепции Маркса. Вторая гипотеза заключается в том, что у Маркса капиталистическое развитие напрямую ведет к пониманию симбиоза между организацией труда и господством над ней. Без положительного ответа на первый вопрос подступиться ко второй гипотезе невозможно. Поэтому начнем по порядку. Только так, устанавливая связь отношений, можно наметить принципы динамического, *à la Пашуканис*, рассмотрения права.

Итак, в «Капитале», которым начинает определяться современное право, оно находится непосредственно над уровнем первоначального накопления. Пара «первоначальное накопление/насилие» не является парой «экономика/право»; «естественный свободный рынок» или «естественное гражданское состояние» (испытывающие на себе насилие первоначального накопления) не имеют ничего общего с правом и являются утопическими приукрашиваниями истории общества. «Лишь тогда, когда люди своим трудом уже выбились из первоначального животного состояния, когда, следовательно, сам их труд уже до известной степени стал общественным, — лишь тогда возникают отношения, при которых прибавочный труд одного человека становится условием существования другого [...] капиталистической отношения возникают на экономической почве, представляющей собой продукт длительного процесса развития. Наличная производительность труда, из которой капитал исходит как из своей основы, есть не дар природы, а дар истории, охватывающей тысячи веков» (Маркс 1960: 520–521). «Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и обусловленный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредитору» (Маркс 1962: 150). «Изменившиеся условия» для заключающих договор, «изменившиеся условия» для отношений капитала — вот в чем суть. Капитал ростовщического типа, который «обладает способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства», не меняет существенных свойств социального отношения. Необходимо, чтобы социальное отношение интериоризировалось капиталом — вплоть до молекулярного уровня, т. е. фабрики, — именно поэтому можно говорить о «капиталистическом обществе», а значит, можно говорить о праве как форме капиталистического обмена между товаровладельцами в обществе капитала. Необходимо, чтобы капитал овладел всеми условиями производительности, которая (говоря

в марксистских терминах) переходит от фазы производства абсолютной прибавочной стоимости к производству относительной прибавочной стоимости и «революционизирует в корне как технические процессы труда, так и общественные группировки». «Производство относительной прибавочной стоимости предполагает специфически капиталистический способ производства, который с его методами, средствами и условиями сам стихийно возникает и развивается лишь на основе формального подчинения труда капиталу. Вместе с тем формальное подчинение труда капиталу уступает место реальному» (Маркс 1960: 518). Именно тогда насилие командования переходит внутрь труда и его организации, именно здесь право обретает свою специфику как формы обмена — т. е. в случае обмена между рабочей силой и капиталом право обретает форму прибавочной стоимости.

Итак, право и процесс прибавочной стоимости. Именно в двустороннем процессе развития относительной прибавочной стоимости — в монтаже (*articolazione*) организации и насилия, производства и господства — и будет утверждаться форма буржуазного права во всей своей сложности. «Итак, капитал есть не только командование над трудом, как выражается А. Смит. Он по существу своему есть командование над неоплаченным трудом» (Маркс 1960: 544). Следовательно, это организация и командование. Во вторую очередь это власть капитала стирать в «тайне самовозрастания» любые следы разделения рабочего дня и монтажа организации труда и командования, обеспечивающего эксплуатацию. Именно на этой тайне «покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии» (Маркс 1960: 550). Право ювелирно сопровождает ход процесса прибавочной стоимости и черпает свою форму из его капиталистической мистификации.

Но, как подчеркивает Пашуканис, дело именно в том, что, будучи формой мистификации, право тем не менее реально. Оно «напрямую» является организацией и насилием: у Маркса весь процесс прибавочной стоимости, процесс, ведущий от простой кооперации к наиболее развитым способам капиталистического производства, связан с непосредственным функционированием права и его трансформациями, соотносящимися с процессом. На первый взгляд право кажется простой мистификацией производительной кооперации, капиталистическим принятием *contractum unionis*. Но на самом деле его функция сразу же интериоризируется: *contractum unionis* сливается с *contractum subjectionis*.⁸ До этого момента, говорит Маркс,

⁸ См. примечания Маркса о простой кооперации в (Маркс 1960: 337–341). *Contractum unionis* — «союзный», общий, объединяющий договор; *contractum subjectionis* — договор о подчинении. См. также (Negri 2002: 46). — *Примеч. перев.*

«командование капитала над трудом являлось лишь формальным следствием того, что рабочий трудится не для себя, а для капиталиста и, следовательно, под властью капиталиста» (Маркс 1960: 342–343). Оно было просто фактом. Но в кооперации форма факта превращается в свою необходимость, становится неотъемлемым условием. «С развитием кооперации многих наемных рабочих командование капитала становится необходимым для выполнения самого процесса труда, становится действительным условием производства. Команда капиталиста на поле производства делается теперь столь же необходимой, как команда генерала на поле сражения» (Маркс 1960: 342). Иными словами, «функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным» (Маркс 1960: 342). Здесь снова может показаться, что решающую роль в трансформации играет новый тип организации труда. Но это неверно: подчинение рабочего становится «возможным» благодаря организации капитала, «действительным» благодаря его структуре и его природе, стремящейся к максимальному самовозрастанию. «Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и относящаяся к этому последнему, оно есть в то же время функция эксплуатации общественного процесса труда и, как таковая, обусловлено неизбежным антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации» (Маркс 1960: 343). В этих условиях подчинение рабочих растет «по мере того как растут размеры средств производства, противостоящих наемному рабочему как чужая собственность», растет «с ростом массы одновременно занятых рабочих», вплоть до момента, когда «связь их работ противостоит им идеально как план, практически — как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям» (Маркс 1960: 343). Поэтому «если по своему содержанию капиталистическое управление носит двойственный характер, соответственно двойственности самого подчиненного ему производственного процесса, который, с одной стороны, есть общественный процесс труда для изготовления продукта, с другой стороны — процесс возрастания капитала», тем не менее «по форме своей капиталистическое управление деспотично. С развитием кооперации в широком масштабе и деспотизм этот развивает свои своеобразные формы» (Маркс 1960: 343).

Но и этого недостаточно: после того как монтаж организации и командования структурировал процесс производства в целом, он воспроизводится внутри процесса вплоть до того, что отныне «функционирующее рабочее тело есть форма существования капитала [...] Вследствие этого производительная сила, возникающая из комбинации различных видов труда, представляется производительной силой капитала. Мануфактура в собственном смысле не

только подчиняет самостоятельного прежде рабочего команде и дисциплине капитала, но создает, кроме того, иерархическое расчленение самих рабочих» (Маркс 1960: 372–373). Фабричный режим со своей иерархией, дисциплиной, кодексом («в котором капитал в частнопроводимом порядке и самовластно [...] формулирует свое самодержавие над рабочими» [Маркс 1960: 435]) устанавливает предельную и фундаментальную фигуру права в его прямом отношении к производству относительной прибавочной стоимости.

И тем не менее именно в тот момент, когда монтаж права и прибавочной стоимости кажется достигшим максимума интенсивности, точнее, в момент, когда кажется, что диалектика организации и командования достигла стадии тождества, и разворачивается предельный антагонизм. Мистификация начинает становиться явной, и ее элементы начинают накапливать взрывной потенциал. Если верно, что «то, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале» (Маркс 1960: 374), то верно и то, что этим создаются условия для предельного антагонизма. Право, призванное в качестве властного гаранта отношения прибавочной стоимости, оказывается на передовой кризиса. «Машины, — замечает Маркс, — революционизируют также до основания формальное выражение капиталистического отношения, договор между рабочим и капиталистом» (Маркс 1960: 407). Раньше предпосылки этого обмена подразумевали, что входившие в него личности были свободными — теперь же, напротив, «вызванная машиной революция в правовом отношении между покупателем и продавцом рабочей силы» приводит к тому, что эта сделка «лишается [...] даже видимости договора между свободными лицами» (Маркс 1960: 408–409). Теперь рабочий «продает жену и детей. Он становится работником» (Маркс 1960: 407). Но этот кризис права относится не только к содержанию, он куда глубже и затрагивает форму напрямую. В рамках высвобождающегося противоречия командование вынуждено постепенно изолироваться, основания обобществления и концентрации капиталистического командования должны постепенно обретать самоценность. Подобно тому, как прибавочная стоимость сменяет различные формы в соответствии с ходом своего внутреннего процесса, то же самое происходит и с правом. «Если даже капитал при своем вступлении в процесс производства был лично заработанной собственностью лица, которое его применяет, все же рано или поздно он становится стоимостью, присвоенной без всякого эквивалента, материализацией — в денежной или иной форме — чужого неоплаченного труда» (Маркс 1960: 582). В этом развитии капитала развиваются как объем его стоимости, так и лежащие в его основании социальные отношения. «Таким образом, рабочий сам постоянно производит объективное богатство как капитал, как чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу, а капиталист столь же постоянно производит рабочую

силу как субъективный источник богатства, отделенный от средств ее собственного овеществления и осуществления, абстрактный, существующий лишь в самом организме рабочего, — короче говоря, производит рабочего как наемного рабочего. Это постоянное воспроизводство или увековечение рабочего есть *conditio sine qua non* капиталистического производства» (Маркс 1960: 583–584). В конечном счете «капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение» (Маркс 1960: 591) все более интенсивным и абсолютным способом. Право является неотъемлемым элементом этого экономического процесса, поскольку является одной из сторон его формы — в той мере, в которой оно принадлежит и обобществлению капиталистической организации, и одновременной ей концентрации насилия против общества, и механизму непрерывного воспроизводства капиталистического отношения. «Накопление есть завоевание мира общественного богатства. Вместе с расширением массы эксплуатируемого человеческого материала оно расширяет область прямого и косвенного господства капиталиста» (Маркс 1960: 606).

Из этого напрямую следуют противоречия, детерминированные возникновением антагонизма и кризисом, в который он вступает. В первую очередь здесь становится очевидным противоречие между фабрикой и обществом, между формой накопления и воспроизводства капиталистического отношения, с одной стороны, и общими условиями общественного капиталистического отношения — с другой. «Поэтому буржуазное сознание, которым мануфактурное разделение труда, пожизненное прикрепление работника к какой-нибудь одной операции и безусловное подчинение капиталу частичного рабочего прославляется как организация труда, повышающая его производительную силу, — это же самое буржуазное сознание с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося “гения” индивидуального капиталиста. Весьма характерно, что вдохновенные апологеты фабричной системы не находят против всеобщей организации общественного труда возражения более сильного, чем указание, что такая организация превратила бы все общество в фабрику» (Маркс 1960: 369). В действительности же «анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда взаимно обуславливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства» (Маркс 1960: 369). Но во вторую очередь куда более фундаментальным противоречием (в той мере, в которой противоречие между фабрикой и обществом может в среднесрочной перспективе развития приобретать

тенденцию к разрешению) является противоречие между отчуждением и концентрацией командования и совокупными общественными условиями производства. «Мы видели, что рост накопления капитала включает в себя возрастающую концентрацию его. Таким образом возрастает власть капитала, обособление персонифицированных в капиталисте общественных условий производства от действительных производителей. Капитал все больше оказывается общественной силой, функционером которой является капиталист и которая не находится уже решительно ни в каком соответствии с тем, что может создать труд отдельного индивидуума. Он оказывается отчужденной, обособленной общественной силой, которая противостоит обществу как вещь и как сила капиталиста через посредство этой вещи. Противоречие между всеобщей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения» (Маркс 1961b: 290). Запомним это: капитал отныне утратил пропорциональное отношение с трудом. Но в этот же самый момент форма прибавочной стоимости утрачивает какое-либо легитимное отношение с функциями, которые ее поддерживали: организация и командование должны отныне уполномочивать себя сами, вне рамок легитимировавшего их функционирования закона стоимости. Процесс, начинавшийся как симбиоз — мистифицированный, но все же эффективный — организации и командования, взрывается в противоречии. Ход развития усугубляет разделение элементов, до этого объединенных или легитимирующих объединение в мистифицированной форме права. Крайний антагонизм между непосредственным производителем и средствами производства (командованием над ними) становится завершающей стадией процесса. «Капиталистическое производство привело к тому, что труд по надзору, совершенно отделенный от собственности на капитал, всегда предлагается в избытке» (Маркс 1961b: 425), и в виде права труд по надзору становится неотличимым от простого командования — от гегемонии публичного права, от Государства как гегемонии политического основания (*ragione*) организации и увековечения командования, которое отныне должно произвольным и принудительным образом господствовать над любыми основаниями обмена, любой фикцией юридической легитимности.

Здесь это рассуждение подходит к своему логическому завершению. Марксу удается обосновать два предположения: что право целиком и полностью обитает в процессе относительной прибавочной стоимости и что капиталистическое развитие ведет к разрыву симбиоза организации и командования трудом, поляризуя командование как абсолютную функцию. Именно в сопоставлении с этим предвидением тенденции и удостоверяется марксизм Пашуканиса. Он

улавливает тенденцию и видит, что она заключается в том, что «основная масса капитала становится в полной мере безличной классово-вой силой», что частная собственность (и частное право) становятся простым прикрытием ситуации, в которой «фактическое господство выходит далеко за чисто юридические рамки» (Пашуканис 1927: 78). И «это перерождение юридической ткани на практике не могло не отразиться в теории» (Пашуканис 1927) — отсюда попытка буржуазной науки о праве смешать частные и публичные элементы и изобрести что-то вроде «юридического социализма», отвечающего одним лишь общим интересам капиталистической власти такого типа. До этого момента демистификация Пашуканисом «социализации» капитала, государства и права является вполне эффективной. Конечно, эта «социализация» не является маргинализацией права, как иногда, возможно, думает Пашуканис: это просто новая форма, которую принимает право, являющееся отображением и гарантией процесса прибавочной стоимости. «Кулачное право есть такое же право», — цитирует Пашуканис утверждение Маркса (Пашуканис 1927: 82). Но недооценка юридической конфигурации, которую приобретает процесс прибавочной стоимости, никак не уменьшает верность данного им определения конечных результатов юридического процесса капитала. «Перед тем, кто хочет изобразить какое-либо живое явление в его развитии, неизбежно и необходимо становится дилемма: либо забежать вперед, либо отстать» (Ленин 1971: 322, примеч.), — если так, то Пашуканис платит весьма небольшую цену за риски марксистской науки революции.

Право и общественный капитал

Но если капитал существует в процессе прибавочной стоимости и поэтому испытывает на себе ритм тенденции, то работу идеологии отрицать все же нельзя: если закон может быть научно истолкован как «продукт материальных производственных отношений», тем не менее, с точки зрения юридических иллюзий, может казаться, что «наоборот, производственные отношения суть продукт закона» (Маркс 1960: 629). Иногда так и есть, но идеологическая мистификация не отменяет реальности. Здесь критика должна углубить свой подход к реальной иллюзии, к миру мистифицированных сознаний. Этот ход принципиально важен: недостаточно определить юридическую норму в качестве составной части мира товаров, недостаточно анализировать форму товара, связывая ее с формой прибавочной стоимости, отслеживать ее в процессе, обнаруживать антагонизм развития, политически настаивать на революционном разрешении антагонизма. Необходимо также проникнуть внутрь механизма иллюзии и демистифицировать его в его детерминированности. Стол-

знание пролетарской науки и юридической науки не может быть лишь общим, оно должно также входить в частности, в субъективные причины. Это особенно важно для нас, в эпоху, когда процесс капитала, социализуясь, вынудил право обновить свои компоненты, ориентируя его на максимальное усвоение закона стоимости и убавляя себя в иллюзии не-антиномического функционирования, скрывая — с тем большим трудом, чем дальше шел процесс развития, — взрывные противоречия, которые он обречен испытать на себе. Может ли Пашуканис сказать нам нечто по этому поводу? Нечто, по-марксистски обоснованное?

«Марксистская теория должна исследовать не только материальное содержание правового регулирования в различные исторические эпохи, но дать материалистическое истолкование самому правовому регулированию, как определенной исторической форме» (Пашуканис 1927: 16). Иными словами, если от всеобщности определения и материальных мистификаций, которые право производит общим образом, необходимо перейти к анализу его формы как определенной функции в мире товаров, т. е. в процессе прибавочной стоимости, то вслед за этим необходимо фундаментальным образом перейти от анализа тенденции к принципам права, к их критическому рассмотрению в качестве функции конкретной стадии движения и воспроизводства прибавочной стоимости. Только таким образом исторический материализм диалектизируется и, выходя за пределы грубого противопоставления базиса и надстройки, становится продуктивным инструментом анализа. Именно так происходит у Пашуканиса. Точнее говоря, марксистское исследование права не может опираться ни на историю политической экономии, ни на материалистическую критику права, впрочем, неотличимую от первой: поэтому современным будет утверждение, что именно в точке пересечения историчности юридического опыта и детерминированности механизмов капиталистического господства, в точке пересечения истории эксплуатации и режима производственных отношений, и открывается возможность глубже проанализировать специфику права и его движения.

Однако методологическая ясность этих соображений Пашуканиса сразу же сталкивается с материальной антитезой. Действительно, здесь Пашуканис впервые ставит вопрос о том, что есть право не в рамках политической экономии, но в рамках юридической конкретики, т. е. он ставит вопрос о действительности и природе юридической науки в рамках исследования, принимающего за основу анализа обобщающую и систематическую перспективу. Такова логика подхода с точки зрения тенденции. Тогда возникает вопрос, является ли право когерентной схемой, обобщающим моментом реконструкции реального — таким, что валидность (*validità*) нормы и действенность (*effettività*) юридического порядка совпадают и оправ-

дывают друг друга? Или же право является голой технической схемой — такой, что «значительная доля юридических конструкций на самом деле носит весьма шаткий и условный характер» (Пашуканис 1927: 21)? Эта антитеза, обнаруживаемая нами у Пашуканиса, обобщается в «точке зрения марксизма на право», демонстрируя тем самым фундаментальную антиномию между подходом, рассматривающим процесс развития, и подходом, нацеленным на материалистическую критику нормы. Заслуга Пашуканиса в том, что он представляет нам эту антиномию столь драматическим образом.

Однако на первый взгляд создается впечатление, что Пашуканис движется внутри этой антиномии довольно путаным образом. С одной стороны, мы видим мощную атаку на Кельзена, по крайней мере на неокантианские позиции в понимании права, — атаку, которая исходит из (и приходит к) определенной технической концепции юридической науки (Пашуканис 1927: 12–13), несмотря на очевидное опровержение (с точки зрения анализа формы), с которым такая концепция неизбежно сталкивается. Критика Кельзена, раннего Кельзена, здесь действительно весьма жесткая: его «бесстрашная последовательность» понимается исключительно как *reductio ad absurdum* неокантианского дуализма,⁹ а чистая теория оказывается «шахматной игрой» (Пашуканис 1927: 16). «Наконец, крайний формализм нормативной школы (Кельзен) несомненно выражает общее упадочное направление буржуазной научной мысли последнего времени, стремящейся исчерпать себя в бесплодных методологических и формально-логических ухищрениях, кокетничая своим полным разрывом с реальной действительностью. В экономической теории соответствующее место займут представители математической школы» (Пашуканис 1927: 29). За этим следует атака на любые теории производства юридических норм, которые полагают, что норма порождает право, — с точки зрения объективного права — и настаивают на схеме самого обоснования формальной законности (Пашуканис 1927: 43 и далее). Наконец, атаке подвергается концепция государства у Кельзена, для которого оно «существует лишь в качестве мысленного предмета, — замкнутого порядка норм или долженствований» (Пашуканис 1927: 94). Вряд ли можно представить себе более мощную и убедительную критику, особенно когда Пашуканис получает стимул от ортодоксального материализма Петра Стучки. Но именно из этих критических предпосылок возникают институционализм Пашуканиса и техницистские соблазны его юридического марксизма: «Более или менее беспрепятственное движение общественного производства и воспроизводства, — которое в товаропроизводящем

⁹ Об истории развития мысли Кельзена см. великолепное эссе М. Лозано, служащее предисловием к итальянскому изданию «Чистого учения о праве» (Kelsen 1966).

обществе формально совершается путем ряда частных сделок, — вот *глубоко практическая цель* правового опосредствования» (Пашуканис 1927: 9).

Но, с другой стороны, Пашуканис настаивает на схеме тенденции, формы и всеобщности. Отсюда его атака на все технические или психологические концепции юридической науки, отсюда его атака на любую историцистскую или позитивистскую позицию, которая замыкает научное рассмотрение права в простой позитивной данности объекта, хаотической и эмпирической *par excellence*. Здесь то, что было изгнано через дверь (т. е. известного рода формализм), входит — проникнув в рассуждения о тенденции формы товара — в окно. Согласно Пашуканису, в ходе развития общества должен быть достигнут определенный тип личности, который односторонним и прямолинейным образом зафиксировал бы юридическое развитие. Полемика против чистого позитивизма все еще оставляет место для концепции права как связанной действительности — концепции по меньшей мере чересчур оптимистичной. И тогда аргументация против Кельзена начинает блекнуть: «Даже наиболее последовательный сторонник чисто нормативного метода Г. Кельзен вынужден был признать, что к идеальному нормативному порядку каким-то образом должен быть прилажен кусок реальной жизни, т. е. фактического поведения людей» (Пашуканис 1927: 42). Но если признать это, признать то, что, начиная с “*Der soziologische und der juristische Staatsbegriff*” (Kelsen 1922), Кельзен пытается заново согласовать систему юридической валидности с системой действительности, то это означает соскользнуть в область, где различия сглаживаются — по мере того как компактная реальность права адекватно открывается как конструктивной идеальности системы норм, так и основывающей позитивности фактов. Когда полярности нормы и факта (или отношения) заново воссоединяются, то от комплексного и систематического проекта юридической науки Пашуканис освобождается вовсе не благодаря настаиванию на одном из элементов, на факте. Поэтому неудивительно, что оппоненты обвинили его в попытке «построить теорию чистой юриспруденции» (Пашуканис 1927: 59): в данном контексте это обвинение, хотя и совершенно не охватывая всю широту анализа Пашуканиса, судя по всему, попадает в точку. Мир валидности норм оказывается подчиненным действительности юридического порядка, и, хотя здесь мы видим полный переворот горизонта, это не вносит никакой существенной разницы — просто одна из точек окажется привилегированной внутри той же гармонизированной тотальности.

На самом деле, только в главе «Государство и право» антиномия, до этого не вполне проясненная, все-таки покоряется Пашуканису. Отношение между двумя моментами, принципиальными для описания юридической реальности, наконец-то эффективно диа-

лектизируется: альтернатива трансформируется в научно-доказуемый процесс.

Пашуканис начинает свое доказательство следующим образом: «Следовательно, если правовое общение изображают нам как общенное организованное и упорядоченное, отождествляя, таким образом, право и правопорядок, то при этом упускают из виду, что на деле порядок является лишь тенденцией и конечным результатом (при том далеко не совершенным), но никогда — исходным пунктом и предпосылкой правового общения» (Пашуканис 1927: 83). Из чего следует, что право и юридическое отношение должны растворить свою абстрактную идентичность в конкретном движении тенденции. Благодаря этому весь методологический аппарат осуществленного до этого общего анализа перенацеливается на обсуждаемые нами проблемы: поскольку тенденция соединяет лишь исходя из неизбежно антиномического отношения, то связь между правом и порядком предстает перед критикой юридической науки сразу и единой, и антагонистичной. Иными словами: если государство как юридический порядок является продуктом юридического процесса, «гарантом мира, необходимого для меновых сделок» (Пашуканис 1927: 84) и на этом уровне его роль по-прежнему актуальна, и при этом «юридическое, т. е. рационалистическое, истолкование феномена власти становится возможным только с развитием торговли и денежного хозяйства» (Пашуканис 1927: 85), то из данной констатации мы не должны делать вывод о совпадении сфер государства и права. Государство есть продукт юридического процесса, но оно не есть всеобщность юридического процесса. «Государство, как организация классового господства и как организация для ведения внешних войн, не требует правового истолкования и, по сути дела, не допускает его. Это области, где царит так называемый *raison d'état*, т. е. принцип голой целесообразности. Наоборот, власть как гарант рыночного обмена не только может быть выражена в терминах права, но сама представляется как право и только право, т. е. сливается целиком с отвлеченной объективной нормой. Поэтому всякая юридическая теория государства, которая хочет охватить все функции последнего, по необходимости является не адекватной. Она не может быть верным отражением всех фактов государственной жизни, но дает лишь идеологическое, т. е. искаженное, отражение действительности» (Пашуканис 1927: 85–86).

Тем самым проблема оказывается поставленной в подлинно марксистской перспективе. Несводимость государства к праву и в то же время теснейшая диалектическая связь между ними всегда находятся в фокусе марксистского анализа капитала в целом. «Антагонистический общественный характер вещественного богатства, — пишет Маркс, — антагонизм этого последнего труда как наемному труду, — обособленного от процесса производства, уже выражен

в собственности на капитал как таковой. Уже этот момент, обособленный от самого капиталистического процесса производства, постоянным результатом которого он является, и как постоянный результат его он есть его постоянная предпосылка, выражается в том, что деньги, а также и товар, в себе, скрыто, потенциально, суть капитал, что они могут быть проданы как капитал и что в этой форме они представляют командование над чужим трудом, предъявляют притязание на присвоение чужого труда, а потому и представляют собой увеличивающуюся стоимость. Здесь же ясно обнаруживается, что основанием и средством для присвоения чужого труда служит не какой-либо труд капиталиста, который был бы эквивалентом, а именно это отношение» (Маркс 1962: 390–391). Латентность и потенциальность государства как власти, противостоящей труду, — и в то же время развязывание власти в законных основаниях и эффективных средствах присвоения. Рассматривая образование средней ставки процента (Маркс 1962: 393 и далее), Маркс углубляет и уточняет эту идею: несводимость прибыли как нормы развития оказывается связанной с процентом как с необходимым посредником, к которому капиталисты могут индивидуально идти в условиях рынка. «Обычай и юридическая традиция» играют фундаментальную роль в конструировании этого опосредования, которое в конечном счете заставляет всемогущество прибыли сообразоваться с потребностями «юридических личностей». В этом плане автономия государства и прибыли диалектизируется, становясь общественным процессом в его целом, но сохраняя реальное командование над этим процессом. Здесь все романтические теории государственной власти как недialeктизируемого Молоха раскрывают всю банальность собственного содержания — не потому, что государство и прибыль не обладают автономией, но потому что они обладают ею в той мере, в которой это выгодно для процесса воспроизводства и оборота товара (Маркс 1961b: 430–439).

Но вернемся к рассуждениям Пашуканиса. Если, как уже было сказано, государство как юридический порядок является продуктом и гарантом, латентностью и потенциальностью юридического процесса, то оно тем не менее не является самим юридическим процессом. Поэтому анализ здесь должен идти дальше, создавая условия для того, чтобы форма товара могла быть прочитана также и в фигуре государства. То, что государство является «аппаратом» господствующего класса (кажется, что Пашуканис здесь в ленинистском ключе подправляет некоторые утверждения Энгельса), то, что государство как «государство класса» проявляет себя сразу и как прямое, и как не прямое господство, как насилие и как право (Пашуканис 1927: 86), не решает проблему государства, но просто очерчивает его полярности и область его проявлений. Проблема государства, «которая представляет для анализа не меньше трудности, чем проблема товара», возника-

ет только тогда, когда «наряду с прямым и непосредственным классовым господством вырастает таким образом косвенное, отраженное господство в виде официальной государственной власти как особой силы, отделившейся от общества» (Пашуканис 1927: 86). Тем не менее здесь открывается возможность для марксистского решения проблемы, которое может быть дано — как мы уже видели — только посредством демонстрации удвоения порядка и права, насилия и легитимирующего авторитета. Но «тов. И. П. Разумовский [...] делает мне упрек, что я неосновательно якобы отвожу вопросы власти и подчинения в неопределенную сферу “удвоения действительности” и не уделяю им должного места при анализе категорий права» (Пашуканис 1927: 88). Напротив, именно это диалектическое удвоение и может объяснить юридическую специфику отношения право/государство! Только такое сочленение (*articolazione*), ритмизованное работой закона стоимости, обеспечивает праву и государству раздельное существование и единую функцию, которые им назначает капитал. «Государственная машина действительно реализует себя как безличная “общая воля”, как “власть права” и т. д., поскольку общество представляет собой рынок» (Пашуканис 1927: 90). Что означает: только максимальная организация обеспечивает максимальное подчинение, только право доводит до предела как свою эффективную диалектическую оппозицию всеобщее господство человека над человеком. Парадоксальным образом единственная «юридичность», которую можно признать за той или иной теорией государства, заключается в том, что она «должна необходимо исходить из государства как самостоятельной силы, отделенной от общества» (Пашуканис 1927: 91–92). Именно так и мыслила буржуазия в течение всей своей истории, при помощи учения о естественном праве превращая такое понимание в сердцевину собственного юридического развития.¹⁰

Но и буржуазное решение антиномий юридической науки является исторически заданным и ограниченным. Тенденция показывает, что иллюзия сочленения функций государства и права в конце концов взрывается. В этой перспективе анализ начинает конкретизироваться, и отсюда открывается новый горизонт научного и политического рассмотрения. «Государство как фактор силы и во внутренней и внешней политике — вот та поправка, которую буржуазия вынуждалась делать к своей теории и практике “правового государства”. Чем неустойчивее становилось господство буржуазии, тем более компрометирующими становились эти поправки, тем скорее “правовое государство” превращалось в бесплотную тень, пока,

---

¹⁰ Проведенный Пашуканисом анализ естественно-правовой доктрины принципиально важен. Возможно, его следует продолжить в другом месте и сопоставить данные отрывки с соответствующими местами у Дьердя Лукача в «Истории и классовом сознании» (2003).

наконец, исключительное обострение классовой борьбы не заставило буржуазию совершенно отбросить в сторону маску правового государства и обнажить сущность власти как организованного насилия одного класса над другим» (Пашуканис 1927: 96). Это означает, что отношение между государством и юридическим порядком, между валидностью и действительностью, на котором покоилась вся концепция правового государства и права в его современном развитии, оказывается преодоленным и ликвидированным из-за воли капиталистического класса, которая, столкнувшись с рабочим наступлением, может оправдывать себя (*giustificarsi*) лишь в терминах адекватного ответа, т. е. необходимости насилия. Идеологическая мистификация правового государства — действительно работавшая как организующая и легитимирующая сила в эпоху подъема буржуазии — сталкивается с неумолимой альтернативой коммунизма.

Марксистский радикализм рассуждений Пашуканиса станет еще виднее, если мы, отвечая на вопросы, поставленные в начале этой главы, применим его схему для анализа перипетий права в настоящее время. Потому что именно здесь тенденция приближается к своему пределу и доведенное до максимума удвоение идеологической схемы государства и права отражается в буржуазной практике.

Но будем осторожны. Антиномическая детонация юридического измерения в наше время и разрыв противоречивой непрерывности формальной (юридической) схемы процесса прибавочной стоимости не приводят к просто подновленному предложению правового государства. Возможно, сначала они влекут за собой попытку более строгой интерпретации категорий права и государства, которые толкуются, скорее, в демократических и плановых, нежели либеральных и либертарных, терминах. Но с какими результатами? Весьма скромными. Напротив, именно из провала попытки подладить структуру государства и права под ритм тотального развертывания закона стоимости становится ясно видна (хотя это можно было спрогнозировать заранее) неспособность таких попыток очертить антиномическую природу права — тем больше антиномическую, чем больше проявляются классовые антагонизмы. Правовому государству, даже понятому в определенных рамках, как у позднего Кельзена,¹¹ может удаваться сдерживать вызовы эпохи: но это не отменяет того факта, что и это государство гарантирует частную собственность, что и это государство принимает и гарантирует в форме права все то, что экономический мир производит спонтанно. Конечно, когда Кельзен совершает поразительный переворот, в результате которого государство перестает быть «чистой точкой вменения», чистым «персонифи-

---

¹¹ Мы отсылаем в первую очередь к “General Theory of Law and State” (Kelsen 1945) и ко второму изданию “Reine Rechtslehre” (Kelsen 1960) (рус. перев.: Кельзен 2015).

цированным выражением нормативного порядка», «конечной точкой, к которой отсылают все государственные акты, квалифицируемые как специфически нормативные, общей точкой пересечения для всех актов, квалифицируемых как государственные» (Kelsen 1932: 8–11), и начинает, напротив, пониматься как динамичный момент производства закона, соотносящегося с совокупностью условий [правового] порядка, тем самым теснейшим образом соединяющего момент учреждения [права] и момент исполнения (Кельзен будет возвращаться к этому перевороту и в последующих своих работах, подкрепляя его данными социальных наук), — то, возможно, здесь можно разглядеть очертания новой модели: в которой валидность и действительность, механизм производства норм и гарантии их применения, индуктивный и дедуктивный процессы как будто отождествляются и взаимообуславливают друг друга. Кажется, что здесь уловлен ритм закона стоимости, требующий, чтобы трудовой процесс и процесс возрастания капитала, организация и командование, кооперация и подчинение были элементами линейной непрерывности, полного синтеза. Но, на самом деле, такой процесс не мог быть включен и мистифицирован в юридических терминах до тех пор, пока «пышный каталог “неотчуждаемых прав человека”» (Маркс 1960: 311), пока «свобода, равенство, собственность и Бентам» (Маркс 1960: 187) не были отодвинуты в сторону. В самом деле, в структуре капитала произошел качественный скачок, сделавший эти формулы устаревшими, — и ход классовой борьбы не позволил этому обветшанию остаться незамеченным. «Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства» (Маркс 1961b: 489). Именно с этой новой формой капитала должна иметь дело новая юридическая наука. Но именно эта форма капитала находится за пределами досягаемости концепции Кельзена и всех апологетов правового государства.

Однако подступиться к этой новой форме капитала гораздо сложнее, чем может показаться, в том числе и для новых юристов — и в первую очередь для критиков Кельзена: в действительности «социальное государство», «государство-план» живут той же эфемерной жизнью, что и применяемая к ним юридическая наука.¹² И ведь

¹² См. статьи “Riformismo; Stato pianificato; Politica di piano; Stato di diritto” и библиографию к ним в (Negri 1970).

нельзя сказать, что никто не пытался придать юридическую надежность этим образам, этому функционированию закона стоимости: история юридической науки с 1929 года (когда-нибудь необходимо будет взяться за проработку этой темы)¹⁵, пожалуй, представляет собой уникальную и внутренне связную попытку снабдить право и государство лейбористским и социальным фундаментом. Опробовано было практически все: от возведения труда (т. е. закона стоимости) в исключительный критерий социального роста до «лейбористского» обоснования материальной конституции,¹⁴ от критики системы источников права до критики догмы верховенства закона, от изменения конфигурации способа производства закона в социальном, конфликтном и планируемом государстве до определения непосредственно созидающих право функций, которые опираются непосредственно на практику. Парадоксальным образом наука о праве попыталась осуществить — особенно в пограничных областях (трудовое право и административное право как право, обеспечивающее планирование) — нечто вроде капиталистического варианта «отмирания государства», иной раз представляя чем-то вроде пародии на «перманентную революцию». Но тщетно: несмотря на всю свою капиталистическую просвещенность, все эти попытки апологии реального труда посредством редукции права к процессуальности, все эти проекты «социального государства» как демократического планового строя и рая для свободного труда лишь яснее продемонстрировали подлинный, фатальный характер функционирования закона стоимости — являющегося законом эксплуатации. Диалектическая авантюра нового права оказалась сизифовым трудом. Весь ход процесса показал рабочим, что все политические «перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее» (Маркс 1957b: 206).

Общественный капитал требует от права нечто совершенно иное — как ответ на то, что рабочая борьба смогла постичь эти моменты кризиса при помощи своей науки. Тщетно экономист «к этому готовому миру капитала [...] с тем более трусливым усердием и с тем большим умилением применяет представления о праве и собственности, относящиеся к докапиталистическому миру, чем громче вопиют факты против его идеологии» (Маркс 1960: 774). Никакие идиллии отныне невозможны, поскольку общественному (*sociale*)

¹⁵ Отдельные наброски к этой истории см. в (Bologna et al 1972).

¹⁴ Термин, введенный юристом Константино Мортати (1891–1985), означает неписаную совокупность базовых принципов, которые 1) заполняют лакуны писаной конституции; 2) являются принципами, в соответствии с которыми писаная конституция и отчасти право вообще трактуется и применяется. Материальная конституция напрямую зависит от состояния властных отношений и классовых сил в данный конкретный момент. — *Примеч. перев.*

капиталу противостоит обобществленный (*socializzata*) и объединенный рабочий класс. С точки зрения капитала отношение между правом и государством должно теперь конструироваться с максимальным вниманием к этому антагонизму, и движение, устремленное к разрыву на противоположные полярности, благодаря развитию закона стоимости отражающееся и в праве, отныне не скрывается. Если антагонизм тенденции больше не может быть укрощен при помощи простой мистификации — как в правовом государстве, — и если он неуправляем изнутри — как в социальном плановом государстве, — тогда его нужно действительно признать и укротить. Удвоение государства и права, интерпретированное Пашуканисом как продукт классовой борьбы, возвращается на новом витке в виде основной тенденции кризиса планового государства.¹⁵ Что касается науки о праве, то в своем внутреннем хаосе она производит сразу и понимание реального кризиса, и собственную неспособность с ним совладать.

Классовая борьба и исчезновение права

Итак, Пашуканис может быть прочитан в неревизионистском ключе. Разумеется, его мысли не удалось избежать многочисленных противоречий, но в глубине запутанного клубка этих противоречий всегда можно отыскать красную нить марксистского анализа и революционного проекта. Здесь мы попытаемся подойти с другой стороны и понять противоречия мысли Пашуканиса не в столь общих, как до этого момента, терминах — т. е. мы попытаемся понять их историческое происхождение, неотделимое от самой проблематики перехода¹⁶ и от политических ограничений, в рамках которых русская революция и большевизм должны были с ней столкнуться. Ибо — и это важнейший момент для понимания мысли Пашуканиса — он в первую очередь был и хотел быть революционером, сопричастным нуждам и чаяниям масс.

Поэтому есть две принципиальные темы, понимания которых от нас требует сама суть вопроса: право и переход, с одной стороны, и с другой — классовая борьба и право; только исходя из столкновения фактической действительности капиталистического развития и главной силы, ведущей классовую борьбу, проблема исчезновения права может быть поставлена правильно.

¹⁵ Подробнее на эту тему см. (Negri 1974a).

¹⁶ Говоря о «переходе» (*transizione*), Негри, как и большинство других марксистских теоретиков, имеет в виду комплекс политико-экономических и юридических проблем, возникающих в процессе осмысления радикальной смены общественного порядка от капитализма к социализму (Примеч. ред. — А. П.).

Как марксист Пашуканис ни секунды не сомневается в том, что право является не просто одной из форм общества капитала, но *исключительно* формой общества капитала. Не существует никакого пролетарского права. «При переходе к развернутому социализму [...] отмирание категорий буржуазного права в этих условиях будет означать отмирание права вообще, т. е. постепенное исчезновение юридического момента в отношении людей» (Пашуканис 1927: 22). И вместе с этим «форма права как таковая не таит в себе в нашу переходную эпоху тех неограниченных возможностей, которые открывались в ней для буржуазно-капиталистического общества на заре его рождения. Наоборот, она временно замыкает нас в свои узкие горизонты. Она существует только для того, чтобы окончательно исчерпать себя» (Пашуканис 1927: 82). Своим критикам, первым теоретикам пролетарского права, Пашуканис с легкостью возражает в русле «Критики Готской программы» и «Государства и революции» (Пашуканис 1927: 22–23).

Пашуканис почти не питает иллюзий относительно советской действительности: он определяет существующую экономическую систему как «пролетарский государственный капитализм» и твердо придерживается этого убеждения, несмотря на последующую самокритику¹⁷ (Пашуканис 1927: 81). Более того, НЭП в целом ему представляется чрезвычайно отсталой стадией по сравнению с той, которая в анализе Маркса предполагается в качестве исходного условия для начала процесса исчезновения права (Пашуканис 1927: 22). Тем не менее это не отменяет тот факт, что в советском обществе налицо некоторые важные черты, характерные для отмирания права, — но речь идет именно о тех показательных характеристиках, чье определение зависит от комплексных ограничений идущего процесса, который в данном случае как раз является усилением капиталистической структуры государства. В капитализме пролетарского государства как будто даны два типа существования обмена: первый — это экономическая жизнь, идущая в соответствии с рациональными, а не меркантильными принципами («этому отвечает метод непосредственных, т. е. технически содержательных указаний в виде программ, планов производства и распределения и т. д.» (Пашуканис 1927: 80); а «с другой стороны, мы имеем связь между хозяйственными единицами, выраженную в форме стоимости циркулирующих товаров и, следовательно, в юридической форме сделок» (Пашуканис 1927: 80). Поэтому «само собой очевидно, что первая тенденция не заключает в себе никаких перспектив для процветания юридического ремесла. Ее постепенная победа будет означать

---

¹⁷ Подвергнувшись критике, Пашуканис в 3-м издании книги заменяет первоначальную формулировку «пролетарский государственный капитализм» на «пролетарскую диктатуру», о чем сам же и сообщает в примечании. — *Примеч. перев.*

постепенное отмирание формы вообще» (Пашуканис 1927: 81). Что касается этой второй тенденции, то как ее перманентность, так и воспроизводство юридической формы явно представляются необходимыми: но Пашуканис считает, что, поскольку при капитализме пролетарского государства, «несмотря на сохранение рыночного обмена, уничтожается реальная противоположность интересов внутри национализированной промышленности», то, возможно, «обособленность или автономия отдельных хозяйственных организмов (наподобие частнохозяйственной) сохраняется лишь как метод» (Пашуканис 1927: 81; курсив оригинала).

Можно лишь улыбнуться тем «немногим» иллюзиям, что, так или иначе, остаются у Пашуканиса. Тем не менее, несмотря на чрезмерный энтузиазм в отношении юридических форм военного коммунизма — никоим образом не сводящихся к «методу непосредственных указаний», — его построения гораздо объемнее и корректнее: их настоящие пределы должны быть определены не здесь, но на уровень глубже. Потому что здесь, несмотря на нечеткость своих замечаний, Пашуканис действительно улавливает фундаментальный момент проблематики перехода — не возникновение смехотворно малых форм исчезновения права (на деле являющихся лишь ответом на нужду и докапиталистическую отсталость, а также отчаянную необходимость срочных мер), но учреждение государства через всеобщее включение общества в процесс тенденции, где антагонизмы доводятся до предела и таким и только таким образом открывается возможность для перехода, основывающегося на пролетарской борьбе. Здесь Пашуканис указывает на ведущую, модернизирующую, а значит революционную, функцию русского движения: она задает более высокий уровень антагонизма. На самом деле, условия для исчезновения права впервые возникают в тот момент, когда в новой капиталистической конфигурации современная форма государства обнаруживает необходимость максимально усилить командование по сравнению с правом.

Поэтому анализ, проведенный Пашуканисом в отношении капитализма пролетарского государства, содержит в себе — как будто в виде водяных знаков — анализ современной формы государства капитала. В обоих случаях проблема перехода определяется в рамках противоречия между правом как формой меновой стоимости и командованием капиталистического государства. Субъективная воля, навязанная капиталистическому государству пролетариата, ничего не меняет в проблеме и не решает ее. В действительности, благодаря результатам, достигнутым в ходе глубокого анализа тенденции, который Пашуканис провел в отношении права и буржуазного государства, здесь ему удается предугадать и в правильных терминах поставить вопрос о переходе и условиях исчезновения права. Эти условия заключаются в неустранимом противоречии между государ-

ственным капитализмом и меновой стоимостью как законом мира производства и обращения товаров. Иными словами, это означает, что правовое государство окончательно умерло, что падение формы государства, которую воздвигла буржуазия для своего существования и развития, создает подлинные и фундаментальные условия для постановки проблемы перехода как пути, которым рабочая борьба должна будет пройти, как возможность, открытую реализации.¹⁸

Но проблема, хотя и верно поставленная, еще очень далека от решения. Наоборот, она становится более запутанной, поскольку предстает в контексте тенденции, сильно коннотированном объективистскими терминами (когда за скобками остается рассмотрение несущественных условий перехода, наличных в русской ситуации). Но был ли в самом деле возможен более надежный подход к решению проблемы? Были ли условия для того, чтобы диалектизировать схему тенденций, применяющуюся к проблематике перехода и анализу действующих в ней субъективных сил? Именно в отношении [между переходом и силами] — столь глубоко диалектичном — находятся минимальные условия для эффективного подхода к решению проблемы, если мы должны, отталкиваясь от блистательных текстов Маркса и Ленина, поставить ее заново в контексте недавнего революционного опыта; и благодаря новым достижениям анализа весь аппарат марксистской науки о революции диалектически получит новое освещение.¹⁹ Но вернемся к Пашуканису: можно ли теперь утверждать, что общие условия, в которых разворачивается его революционная проблематика, дают ему возможность, кроме верной постановки проблемы, также предложить и реалистичную попытку решения?

В этом месте, можно сказать, мы и узнаем, что почему. Ограничения большевистского анализа перехода здесь сильно давят на Пашу-

---

¹⁸ Риккардо Гуастини (Guastini 1971: 414–420, 500–506) полагает, что Пашуканиса-«формалиста» и аналитика права сменяет Пашуканис-волюнтарист проблемы перехода. Такое определение представляется неточным, какими бы ни были ограничения нашего автора: здесь имеет смысл говорить не о волюнтаризме или субъективных ограничениях, но о новой проблематике, которую ставит классовая борьба. Более того, для всех нынешних ревизионистских подходов как раз типично считать классовую борьбу чисто «субъективным», волюнтаристским фактором; и двусмысленный успех альтюссерриана объясняется именно по этой причине: атака на субъективизм оказывается атакой на классовую борьбу. Критический анализ см. в (Rovatti 1973b: 5–23).

¹⁹ Проблематика перехода требует новой постановки в современных и адекватных терминах с учетом опыта культурной революции, точнее говоря, «непрерывной революции» в Китае. См. в первую очередь работы Шарля Беттельхайма, начиная с «Calcul économique et formes de propriété» (Bettelheim 1971), и недавний текст «Révolution culturelle et organisation industrielle» (Bettelheim 1973). В том, что касается западных обществ и более высоких уровней классовой борьбы, еще предстоит проделать огромную работу.

каниса (как и на Ленина до него), невзирая на волю к форсированию действительности. На деле все рассуждение держится на двусмысленности и некоторой крайности (*limite*); и это двусмысленность крайности, когда капитал действительно может быть зажат в угол. Большевик ставит проблему социализма и условий исчезновения государства и права в терминах обобществления, чистой реаппроприации собственности; он хочет заменить рыночные отношения на отношения организации общественной собственности и общественного труда. Но ведь этого явно недостаточно: борьба рабочих идет не просто против собственности, но против базиса собственности, против закона трудовой стоимости как основы собственности и принципа эксплуатации. Собственность является не чем иным, как определенной конкретизацией одного из уровней капиталистического командования, конкретизацией действия закона стоимости: «Частная собственность есть не что иное, как *овеществленный* труд. Если частной собственности хотят нанести смертельный удар, то нужно повести наступление на частную собственность не только как на *вещественное состояние*, но и как на *деятельность*, как на *труд*. Одно из величайших недоразумений — говорить о свободном, человеческом, общественном труде, о труде без частной собственности. “Труд” по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность. Таким образом, упразднение частной собственности становится действительно только тогда, когда оно понимается как упразднение “*труда*” (такое упразднение, которое, конечно, сделалось возможным только в результате самого труда, то есть в результате материальной деятельности общества, и которое никоим образом нельзя понимать как замену одной категории другою). Поэтому некая “организация труда” есть противоречие. *Той* наилучшей организацией, которую может получить труд, является его теперешняя организация, свободная конкуренция, разложение всех его прежних мнимо “общественных” организаций» (Маркс 1974: 242; курсив оригинала). Общественная собственность сама по себе не является условием исчезновения права, напротив, она вполне совместима с прогрессом капитала: как напоминает Маркс, она есть «подавление капитала как частной собственности внутри самого способа капиталистического производства». И когда рассуждения марксистов о праве останавливаются на столь раннем этапе, они не могут не пасть жертвой целого ряда неразрешимых противоречий.

Это и происходит с Пашуканисом. Его мысль является регистрацией противоречия, которое рабочее движение несет на себе, противоречия между демистификацией и борьбой против собственности, с одной стороны, и осознанной борьбой против закона стоимости — с другой. В те моменты, когда он приступает к определению права как товара, когда берется за проблему юридической науки, когда

анализирует тенденции эволюции права в капиталистическом обществе и когда изучает переход, Пашуканис вынужден платить определенную цену, оказываясь жертвой частичной и ограниченной картины функционирования закона стоимости, односторонней картины процесса эксплуатации, которая показывает одну лишь отсталость в работе этого закона. Право в такой ситуации, скажем так, спасается, смыкаясь с мифологией такого трудового общественного процесса, который якобы может развиваться вне (во всяком случае, автономно от) процесса возрастания капитала.

Но вместе с тем у Пашуканиса всегда остаются силы, чтобы преодолеть односторонность анализа. Трудовой процесс и процесс возрастания капитала могут различаться только с точки зрения анализа. Но с точки зрения революционной практики они образуют единый блок — это эксплуатирующий субъект и объект революционного действия. Право не является функцией, которую можно было бы (даже соединив ее с трудовым процессом) отделить от процесса возрастания капитала. Если это все же случается тогда, когда революционный процесс учреждает новую модель организации труда, — то да, это может быть необходимым, но это не имеет никакого отношения к проблеме перехода, а только к проблемам капиталистического развития. Следовательно, внутри проблематики перехода к коммунизму право не может быть отсоединено от эксплуатации. И тем более этого не может желать революция: ведь переход, которого требуют рабочие, не может быть определен согласно теоретическому ритму категорий анализа (труда и ценности), напротив, он является действием, атакой на всеобщность капиталистического отношения с целью его уничтожения как такового. Любая иллюзия в отношении труда и его стоимости должна в этот момент исчезнуть. Коммунистическая борьба последовательно становится борьбой против труда, против государства, против права, образующего специфическую властную форму отношения между государством и организацией труда. Из этого следует, что решение проблемы перехода и исчезновения права и государства должно быть поставлено заново — исходя из радикальных предпосылок, предугадываемых Пашуканисом на протяжении всего его анализа. Но этим же путем — в одну эпоху с Пашуканисом и в рамках схожих ограничений — частично пошел Ленин в «Государстве и революции» — и именно к Ленину, а также к маоистской теории непрерывной революции как формы перехода, так же как и к Марксу времен “Grundrisse” и к его поразительным теоретическим предвидениям мы должны будем рано или поздно вернуться, чтобы углубить понимание проблемы.²⁰

---

²⁰ Продуктивное методологическое введение в эти темы можно найти в работе (Rovatti 1973a).

Установка на всеобщность проекта уничтожения всегда присутствует в борьбе рабочего класса — точно так же, как в ней всегда присутствует момент борьбы против труда. На заводах и фабриках эта борьба никогда не прекращается. В главе «Капитала», посвященной рабочему дню, описание достигает оснований процесса. На фабрике в вопросе о рабочем дне «получается антиномия, право противопоставляется праву, причем оба они в равной мере санкционируются законом товарообмена» (Маркс 1960: 246). И, продолжает Маркс, «при столкновении двух равных прав решает сила». «Таким образом, в истории капиталистического производства нормирование рабочего дня выступает как борьба за пределы рабочего дня, — борьба между совокупным капиталистом, т. е. классом капиталистов, и совокупным рабочим, т. е. рабочим классом». С точки зрения рабочих, регулирование рабочего дня является продуктом их борьбы — юридическая фиксация является результатом рабочей борьбы против труда. Но законность этих завоеваний с рабочей точки зрения никоим образом не отменяет того, что право является формой эксплуатации. «Если “Réglement organique” Дунайских княжеств был положительным выражением неутолимой жажды прибавочного труда, которая узаконивается каждым параграфом, то английские фабричные акты являются отрицательным выражением все той же жажды» (Маркс 1960: 250). «Фабричное законодательство, это первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй его процесса производства, представляет собой, как мы видели, столь же необходимый продукт крупной промышленности, как хлопчатобумажная пряжа, селфакторы и электрический телеграф» (Маркс 1960: 492). И благодаря анализу Пашуканиса тотальная отчужденность права от борьбы класса становится очевидной также и в переходный период — независимо от ограниченности его собственных рассуждений об условиях перехода в Советском Союзе эпохи НЭПа. То есть речь идет о том, чтобы понять все следствия из этой новой конфигурации отчужденности рабочего от капитала, понимаемой по-марксистски. У Пашуканиса мы можем это видеть в последних двух главах его книги,²¹ где он отказывается подчинять классовую борьбу новым юридическим правилам, пускай и «социалистическим». Утопический отказ, учитывая переходные условия в России? Возможно. Но даже признав это, мы не можем аннулировать полемический заряд, содержащийся в его теории. Потому как он нацелен на самую суть вопроса и определяет переходный период так, что не остается никакой возможности для ревизионистского перехвата мысли Пашуканиса: переход может быть только простран-

²¹ См. (Пашуканис 1927: 97–128). Критика этих глав со стороны Корша совершенно промахивается мимо цели.

ством борьбы, процессом пролетарского отчуждения, воплощающегося в борьбе против любой формы институциональной конкретизации силовых отношений между противостоящими классами. Нет никакого альтернативного использования права, которое могло бы заменить процесс борьбы. Нет никакого дуализма власти, который мог бы быть решен институционально. Переход является чем-то отличным от любой предшествующей фазы господства права только в том случае, если он является периодом борьбы против юридического отчуждения, борьбы, которая не позволяет заново интегрировать себя в какое-либо восстановленное равновесие. Борьба против труда и права как специфической формы организации труда не может останавливаться ни на одном достигнутом рубеже.

Разумеется, мы согласны, что временами у Пашуканиса действительно можно обнаружить и такое теоретическое убеждение; в отдельные моменты все противоречия его мысли могут вырваться наружу под натиском живого движения революции; кто-то также может увидеть здесь момент перехода в утопию. Но это не столь важно, если мы встанем на точку зрения тенденции, которую улавливает Пашуканис и описывает Маркс, когда пишет: «Великая историческая сторона капитала заключается в *создании* этого *прибавочного труда*, излишнего с точки зрения одной лишь потребительной стоимости, с точки зрения простого поддержания существования рабочего, и историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда, с одной стороны, потребности будут развиты настолько, что сам прибавочный труд, труд за пределами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, протекающей из самих индивидуальных потребностей людей, и когда, с другой стороны, всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения, — когда, наконец, это всеобщее трудолюбие, благодаря развитию производительных сил труда, постоянно подстегиваемых капиталом, одержимым беспредельной страстью к обогащению и действующим в таких условиях, в которых он только и может реализовать эту страсть, приведет к тому, что, с одной стороны, владение всеобщим богатством и сохранение его будут требовать от всего общества лишь сравнительно незначительного количества рабочего времени и что, с другой стороны, работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во все возрастающем изобилии; следовательно, тогда, когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека. Таким образом, капитал и труд относятся здесь друг к другу как деньги и товар: если капитал есть всеобщая форма богатства, то труд является такой субстанцией, которая ставит себе целью только непосредственное потребление. Но в качестве безу-

держного стремления к всеобщей форме богатства капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння и в своем производстве и в своем потреблении и труд которой выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на место обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически» (Маркс 1968: 280–281; курсив оригинала).

Таков ландшафт перехода. Пашуканис отмечает его чудовищную отдаленность от русских условий, тем не менее со всей ясностью осознавая колоссальную силу революционного процесса. Взор того, кто анализирует переход, должен быть направлен туда, где возникает новый пролетарский индивид: и лишь борьба ведет к его появлению, борьба против труда, его организации, борьба против права. Разумеется, любой юридический прецедент, любой институт, любой статут могут обернуться победой рабочих, но лишь в той мере, в которой их можно рассматривать как фиксацию эффектов борьбы и открытия различных возможностей для возникновения коллективного пролетарского индивида, не желающего труда. Напротив, с точки зрения государственного применения и действенности права любой институт является перестройкой капиталистического господства. «Когда постепенно нарастающее возмущение рабочего класса принудило государство насильно сократить рабочее время и прежде всего продиктовать нормальный рабочий день собственно фабрике, т. е. с того момента, когда раз навсегда сделалось невозможным увеличение производства прибавочной стоимости посредством *удлинения рабочего дня*, капитал со всей энергией и с полной сознательностью бросился на производство *относительной прибавочной стоимости* при помощи ускоренного развития машинной системы» (Маркс 1960: 420; курсив оригинала). С точки зрения действенности права каждая победа рабочих должна приводить к технической и юридической перестройке производства капитала, и каждый этап реорганизации труда одновременно является расширением и интенсификацией роста капитала и эксплуатации. Только подход, нацеленный на борьбу, на непрерывность борьбы, может быть рабочей точкой зрения. Утопичным является не пространство, отделяющее борьбу от коммунистической цели, утопична вера в возможность пройти через институции капитала к уничтожению эксплуатации. Только отделение от капитала, которое рабочий класс достигает в одной лишь борьбе, является почвой для перехода, только всеобщность проекта уничтожения уничтожит утопию.

«Другой упрек, который мне делает тов. Стучка, а именно, будто я признаю существование права только в буржуазном обществе, я принимаю...» (Пашуканис 1927: 9).

Послесловие к русскому переводу

Непросто говорить о тексте, опубликованном больше сорока лет назад (Negri 1974b). Исторические координаты этой статьи относятся к 1970 годам, она писалась в итальянской политической атмосфере, пропитанной ожиданием восстания. В плане теории это была эпоха горячей полемики о теории права, в которой я оппонировал Норберто Боббио, его юридическому формализму и позитивизму, противопоставляя ему концепцию прямой критики государства позднего капитализма. Эта эпоха уже не вернется. Но сегодня, просматривая библиографию, посвященную Пашуканису, я понимаю, что этот промежуток в сорок лет не сводится к моей политической заинтересованности в его работах, но вписывается в определенную периодизацию западного интереса к творчеству такого великого теоретика права, каким был Евгений Пашуканис. В послевоенное время, в эпоху холодной войны, на Западе были поставлены мощные барьеры, чтобы сдержать интерес 1930–1950-х годов к Октябрьской революции: это была попытка подвергнуть критике или даже напрямую запретить рецепцию того мощного потенциала критической мысли и теоретических инноваций, которые ее сопровождали. Эти барьеры рухнули после 1968-го. Одна революция призывает другую, как говорили тогда, — и это обрушение повлекло за собой возвращение и реактивацию русской революционной мысли. Правда, на короткое, очень короткое время. Так или иначе, Пашуканис в числе других имен вернулся в поле дискуссии о материалистической теории права. Но почти сразу же, в начале 1980-х годов, за десять лет до падения Стены и вместе с установлением неолиберальных режимов, в ход пошли новые практики затушевывания, нацеленные на то, чтобы навсегда вытравить память о революции. Но реакционная машина забвения не сработала, и сегодня возобновление критических дебатов о событии русской революции и о сопровождавшей его культуре представляется чем-то вроде момента истины, возможно, настоящим и глубоким симптомом завершения современной истории капитализма, как будто бы некий онтологический разрыв — Октябрьская революция — его определяет и не может быть снятым. И может статься, что, лишь пройдя через эту брешь, мы обретем возможность нового мира.

Что касается распространения творчества Пашуканиса на Западе, эти периоды возобновляющегося или подавляемого интереса к нему легко определяются. После первых прочтений его творчества, относящихся к 1930–1950 годам (Kelsen 1955; Hazard 1951; Fuller 1949; Schlesinger 1951; Korsch 1974), его мысли пришлось ждать 1970-х, чтобы быть заново предложенной вниманию подрывного активизма (Negt 1975; Paul 1972; Reich 1978; Poulantzas 1967;

Cossutta 1992). Именно в эти координаты и вписывается мой тогдашний текст. Но почему интерес к Пашуканису сегодня снова возвращается в поле дискуссии и исследования? На мой взгляд, отличие от первой волны состоит в том, что сегодня речь идет не о любопытстве или программе ликбеза (чем же было право в большевистской революции? какова его роль в уничтожении буржуазных порядков собственности и государства и в построении коммунизма?), а также не о полемическом сопоставлении (изобличение этого права как варварского с последующим объявлением его квинтэссенцией тоталитаризма). В отличие от 1970-х годов, внимание приковано не только к идеологическому измерению советской теории права. Сегодня внимание направлено на сущность теории, на теоретическую сердцевину созданного Пашуканисом юридического учения — сегодня спрашивают о том, каким образом его материалистический аппарат, помимо ответа на вопрос о природе права, может помочь в понимании международного или уголовного права или других юридических областей.²² И тогда становятся понятны причины этого нового интереса и внимания к достоинствам его теории. Есть основания полагать, что эта теория может способствовать ясности в решении тех *impasses*,²³ что дестабилизируют функционирование юридических порядков в нынешнем глобализированном мире.

В мире, глобализированном властью финансов, насквозь пропитанном индивидуалистической и собственной идеологией либерализма, марксистское настаивание — подхваченное и развитое вслед за Пашуканисом — на товарном отношении как фундаменте права приобретает силу очевидности. Оно предлагает настоящие ключи к расшифровке этого мира. Мы помним, как упорно Пашуканис настаивает на этом моменте: «Товарный фетишизм восполняется правовым фетишизмом» (Пашуканис 1927: 70). Если это верно, то частнособственническое происхождение права напрямую раскрывается как процесс, идущий от личного присвоения к конструированию юридического субъекта и к заключению договора, в котором закон более сильного подчиняет более слабого. «Собственность предшествует товару» — провозглашает Пашуканис: право оказывается порядком, которым вполне овладевают только капитализм и буржуазия, помещающие его в центр общества (впрочем, это не слишком отличается от того, что говорил Макс Вебер).

---

²² Я перечислю лишь некоторые из работ, содержащие новые прочтения мысли Пашуканиса с конца 1990-х годов, а также отдельные более старые тексты: (Miéville 2006; Koen 2011; Head 2004, 2008; Kamenka and Tay 1970; Arthur 1976–1977; Redhead 1978; Warrington 1981, 1993; Lapenna 1964: 55, 94n).

²³ Тупиков (*фр.*).

Помимо этого, есть и второй момент, представляющий большой интерес для нынешнего юридического образа мыслей (или науки): когда Пашуканис конструирует [понятие] «формы» права как изменяющейся «формы» юридического инвестирования в социальное. Что же такое «форма» права по Пашуканису? Он замечает, что вопрос о понятии «формы» возникает не тогда, когда просто мы сталкиваемся с проблемой (экономического) базиса, на котором основывается и начинает систематически функционировать юридическая власть, но тогда, когда речь также заходит о том, чтобы определить потенцию, реализующуюся в легальном порядке, а также процессы слияния легитимности и действительности, которые составляют его силу. Эта сила — несомненно враг для каждого, кто видит в капитализме мощь, уничтожающую свободу и общее богатство. И Пашуканис настаивает, что «форма» права налагается на всю совокупность общественных условий, воплощающихся и выражающихся в ней. Это не просто техническая форма, не голая проекция нормативных содержаний, но установление социальной ценности труда и равновесия/дисбаланса, которые получают развитие в ходе процессов институционального строительства (*determinazione istituzionale*). Конститутивное правило «формы» является тем же, что ее демистифицирует (аналогично тому, как это происходит у Маркса, когда он говорит о фетишизме), поскольку оно демонстрирует силовые отношения, которые ее учреждают.

Однако некоторые критики настаивали на неадекватности демистификации юридической формы Пашуканисом. Они утверждали, что если форма конфигурируется социальным отношением, устанавливаемым капиталом, напрямую, то невозможно понять, как она может служить основанием для такой сложной надстройки, как закон (норма) при капиталистическом господстве. Тем не менее, чтобы понять юридическую «форму» так, как ее понимает Пашуканис, следует сказать, что эти возражения просто нерелевантны. Понятия «базиса» и «надстройки» имеют у Пашуканиса чисто педагогическое значение: социальная реальность (и тем более право) является скорее неким сложным целым, воплощающим экономический импульс и выражающим его стоимость. Вопрос о праве как составная часть вопроса о фетишизме раскрывается в теме «формы стоимости» во всей своей сложности. Так что же означает «форма»? В ту же самую эпоху Исаак Рубин (Rubin 1972 [1928]), изучая «Капитал», обновил определение закона стоимости: помимо ее субстанции (труда) и ее величины (меры), он настаивал как раз на ее «форме», т. е. «форме общественного труда», общей оболочке производства — открытой для исторических изменений, технической перекомпоновки и политической артикуляции. В общем и целом понятие «юридической формы» у Пашуканиса соответствует «форме ценности» у Рубина. Оба этих понятия охватывают «базис» и «надстройку», но при этом

демонстрируют глубину их переплетения и конфигурируют внутри горизонта обобществления производства, т. е. в тотальности общества; помимо теории стоимости Рубина, здесь также слышится отзвук «тотальности» Лукача.

Итак, юридическая форма у Пашуканиса является нормой общественной организации и производительной системы. Закон является противоречивым институтом, его движение может быть описано как конфигурированное изменениями в товарном отношении. Это легко увидеть, если обратить внимание на общую формулировку понятия «нормы» у Пашуканиса и сопоставить его с формулировкой Фуко. Если для Пашуканиса норма является объективным фактом, определяющим и определяющим свои функции в виде «общественного отношения» в ходе определенной истории товарного обмена (Head 2004: 284–286), то для Фуко понятие нормы рождается тогда, когда на место истощающегося суверенного командования приходит дисциплина, которая организует общество производства. Норма выражается и формулируется внутри этого перехода как исторический факт, который объективно трансформирует реальность командования (а именно из суверенитета в дисциплину) (Revel 2008: 97–99). Формулировки здесь совпадают. И также очевидно, что «норма» у обоих авторов имеет совершенно иное значение, нежели то, которое обычно придается «юридической норме»: у Пашуканиса, как и у Фуко, «норма» является направляющей колеей, по которой проходит и в которой выражается «форма стоимости», представляющая собой общественные отношения в их объективной и исторической определенности.

Третий момент, привлекающий интерес к Пашуканису, заключается в том, что юридическая форма, понятая в русле сказанного выше, у него историзируется, т. е. предстает в своем становлении. Пашуканис не только систематически сопоставляет юридическую форму с буржуазным правом, но и со становлением советского общества. После введения НЭПа он будет постоянно указывать на сохранение элементов буржуазного порядка (например, права собственности) в советском праве, и тем самым регистрирует соприсутствие порядков, антагонистичных друг другу. Тем не менее даже в таких условиях социалистическая нормативность того времени сохраняет отпечаток мощной учреждающей динамики: и Пашуканис в качестве динамического элемента в конструкции нового социалистического мира пускает в ход фундаментальную политическую формулу марксистской теории — «отмирание государства». Это — динамический, утверждающий, учреждающий тезис; и в первую очередь это позиция, радикально отрицающая или исключаящую любую возможность дать определение пролетарскому «праву» или «закону». Для Пашуканиса порвать с иллюзией пролетарского закона означает оставить открытым путь к осуществлению коммунистической революции. Напро-

тив, это Вышинский под руководством Сталина возродит в социализме нормативность права, типичную для буржуазных и капиталистических обществ. Пашуканис будет расстрелян в тот самый момент, когда Сталин торжественно объявит о совершенствовании «закона» в построении социализма в России.

Поэтому не следует видеть противоречие (и/или оппортунизм) в том, что в этой боевой обстановке Пашуканис — во всем своем опыте активиста и во всем своем творчестве — тактически занял позицию относительной недооценки применения силы и механизмов нормативного подкрепления юридических актов. Противостоять этим тенденциям — столь жестоко проявившимся в советском обществе — означало удерживать открытой возможность развития революции для рабочей демократии и массового движения. Противостоять тенденции к фиксации советского Уголовного кодекса означало удерживать открытой возможность классовой борьбы. Не сдался ли Пашуканис, и не чрезмерно ли содействовал он сам развитию советского права в сталинскую эпоху? Но, даже помня об этом его «оппортунизме», мы не должны забывать о его строгой приверженности непоколебимому принципу: право в революционном обществе должно отмирать, и, если все же сохраняется необходимость в его использовании в переходный период, оно должно перерабатываться так, чтобы оставаться открытым для новых возможностей свободы, которые могут быть вызваны к жизни классовой борьбой, тем самым спасая Революцию.

Наконец, о Пашуканисе часто пишут — как будто с целью дискредитировать политический дух его теоретической борьбы, — что формула «право как товарное отношение» была взята не с тех страниц, где Маркс пишет о производстве, но только со страниц «Капитала», посвященных распределению. Но это всего лишь лицемерие, отражающее старые времена, когда схемы производства и воспроизводства (обращения) капитала не совпадали друг с другом! В любом случае, то, как Пашуканис настаивает на необходимости всегда удерживать открытым юридический горизонт социализма и связывать его с проблемой уничтожения государства и отмирания права, напротив, свидетельствует о глубоком погружении в главы, которые Маркс посвящает производству, и о понимании пути, который уже прошла классовая борьба, и высокой цели, которую она ставит перед собой.

Я надеюсь, что мне удалось пояснить, в чем смысл чтения этой статьи сорок лет спустя после ее первой публикации. В ней проясняются марксистские темы, которые мы отстаиваем, чтобы показать величие творчества Пашуканиса.

*Антонио Негри,
12 сентября 2016*

Перевод с итальянского Сергея Ермакова

Библиография

- Кельзен, Ганс (2015). *Чистое учение о праве*. СПб.: Алеф-пресс.
- Ленин, Владимир (1971). «Развитие капитализма в России». В кн.: Ленин, Владимир, *Полное собрание сочинений*, в 55 тт., т. 3. М.: Издательство политической литературы.
- Лукач, Дьердь (2003). *История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике*. М.: Логос-Альтера.
- Маркс, Карл (1957а). «Наемный труд и капитал». В кн.: Маркс, Карл и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт., т. 6. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс, Карл (1957б). «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В кн.: Маркс, Карл и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт., т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс, Карл (1960). «Капитал. Критика политической экономии», т. 1. В кн.: Маркс, Карл и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт., т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс, Карл (1961а). «Капитал. Критика политической экономии», т. 2. В кн.: Маркс, Карл и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт., т. 24. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс, Карл (1961б). «Капитал. Критика политической экономии», т. 3. В кн.: Маркс, Карл и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт., т. 25, ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс, Карл (1962). «Капитал. Критика политической экономии», т. 3. В кн.: Маркс, Карл и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт., т. 25, ч. 2. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс, Карл (1968). «Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1859)». В кн.: Маркс, Карл и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт., т. 46, ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс, Карл (1974). «Экономическо-философские рукописи 1844 года». В кн.: Маркс, Карл и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт., т. 42. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Пашуканис, Евгений (1927). *Общая теория права и марксизм*. М.: Издательство Коммунистической академии.
- Энгельс, Фридрих (1955). «Наброски к критике политической экономии». В кн.: Маркс, Карл и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт., т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Arthur, C. J. (1976–1977). “Towards a Materialist Theory of Law”. *Critique* 7.31: 31–46.
- Bettelheim, Charles (1971). *Calcul économique et formes de propriété*. Paris: Maspero.
- Bettelheim, Charles (1973). *Révolution culturelle et organisation industrielle*. Paris: Maspero.
- Bologna, Sergio (1972). *Operai e Stato, Lotte operaie e riforma dello Stato capitalistico fra Rivoluzione d'Ottobre e New Deal*. Milan: Feltrinelli.

- Cerroni, Umberto (1964). "Introduzione". In Pashukanis, Evgeny, *La teoria generale del diritto e il marxismo*, trans. U. Cerroni [in *Teorie sovietiche del diritto*, ed. U. Cerroni]. Milan: Giuffré.
- Cossutta, Marco (1992). *Formalismo sovietico. Delle teorie giuridiche di Vyšinskij, Stučka e Pašukanis*. Naples: Edizioni Scientifiche Italiane.
- Fuller, Lon L (1949). "Pashukanis and Vyshinsky: A Study of the Development of Marxist Legal Theory". *Michigan Law Review* 47.8: 1157–1166.
- Guastini, Riccardo (1971). "La 'teoria generale del diritto' in URSS". In *Materiali per una storia della cultura giuridica*, Vol. 1, ed. G. Tarello, p. 329–528. Bologna: Il Mulino.
- Hazard, John N (1951). *Soviet Legal Philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Head, Michael (2004). "The Rise and Fall of a Soviet Jurist: Evgeny Pashukanis and Stalinism". *Canadian Journal of Law and Jurisprudence* 17.2: 269–94.
- Head, Michael (2008). *Evgeny Pashukanis: A Critical Reappraisal*. Abingdon: Routledge Cavendish.
- Kamenka, Eugene, and Alice Tay (1970). "The Life and Afterlife of a Bolshevik Jurist". *Problems of Communism* 19.1: 72–78.
- Kelsen, Hans (1922). *Der soziologische und der juristische Staatsbegriff: kritische Untersuchung des Verhältnisses von Staat und Recht*. Tübingen: Mohr.
- Kelsen, Hans (1932). *Lineamenti di una teoria generale dello stato ed altri scritti*. Rome: Imprinta.
- Kelsen, Hans (1945). *General Theory of Law and State*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kelsen, Hans (1955). *The Communist Theory of Law*. New York: Praeger.
- Kelsen, Hans (1956). *La teoria comunista del diritto*. Milano: Communità.
- Kelsen, Hans (1960). *Reine Rechtslehre*. Vienna: Deuticke.
- Kelsen, Hans (1966). *La dottrina pura del diritto*. Torino: Einaudi.
- Koen, R. (2011). "In Defence of Pashukanism". *Potchefstroom Electronic Law Journal* 14.4: 104–169.
- Korsch, Karl (1970) "En guise d'introduction". In Pashukanis, Evgeny, *La théorie générale du droit et le marxisme*, trans. Jean-Maire Brohm, p. 9–21. Paris: É.D.I.
- Korsch, Karl (1974). "Per una critica materialistica del diritto". In *Dialettica e scienza del Marxismo*. Rome: Laterza.
- Lapenna, Ivo (1964). *State and Law: Soviet and Yugoslav Theory*. London: Athlone Press.
- Lask, Emil (1923a). "Fichtes idealismus und die Geschichte". In Lask, Emil, *Gesammelte Schriften*, Bd. I, S. 1–274. Tübingen: Mohr.
- Lask, Emil (1923b). "Rechtsphilosophie". In Lask, Emil, *Gesammelte Schriften*, Bd. I, S. 275–331. Tübingen: Mohr.
- Miéville, China (2006). *Between Equal Rights. A Marxist Theory of International Law*. Chicago: Haymarket Books.
- Negri, Antonio, ed. (1970). *Enciclopedia Feltrinelli-Fischer, n. 27: Scienze Politiche 1. Stato e politica*. Milan: Feltrinelli.
- Negri, Antonio (1974a). *Crisi dello Stato-piano, comunismo e organizzazione rivoluzionaria*. Milano: Feltrinelli.

- Negri, Antonio (1974b). “Rileggendo Pašukanis: note di discussione”. *Critica del diritto* 1: 90–119.
- Negri, Antonio (2002). *Il potere costituente: saggio sul alternative del moderno*. Roma: Manifestolibri.
- Negt, Oskar (1975). “Thesen zur marxistischen Rechtstheorie”. In *Probleme der marxistischen Rechtstheorie*, Hg. Hubert Rottleuthner, S. 46–64. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Paul, Wolf (1972). “Marxistische Rechtstheorie in bürgerlichen Staaten”. In *Marxistische und sozialistische Rechtstheorie*, ed. Norbert Reich, p. 201–235. Frankfurt am Main: Athenaeum Fischer Taschenbuch Verlag.
- Poulantzas, Nicos (1967). “A propos de la théorie marxiste de droit”. *Archive de philosophie de droit* 12: 145–162.
- Redhead, Steve (1978). “The Discrete Charm of Bourgeois Law: A Note on Pashukanis”. *Critique* 9.1: 113–120.
- Reich, Norbert (1978). “Hans Kelsen und Evgenij Paschukanis”. In *Reine Rechtslehre und marxistische Rechtstheorie*, p. 19–35. Vienna: Manz.
- Renner, Karl (1904) [unter dem Pseudonym J. Karner]. *Die soziale Funktion der Rechtsinstitute, besonders des Eigentums*. Wien: Wiener Volksbuchhandlung.
- Renner, Karl (1929). *Die Rechtsinstitute des Privatrechts und ihre soziale Funktion: ein Beitrag zur Kritik des bürgerlichen Rechts*. Tübingen: Mohr.
- Revel, Judith (2008). *Dictionnaire Foucault*. Paris: Ellipses.
- Rovatti, Pier Aldo (1973a). *Critica e scientificità in Marx*. Milano: Feltrinelli.
- Rovatti, Pier Aldo (1973b). “Introduzione”. In Rancière, Jacques, *Critica e critica dell'economia politica*, p. 5–23. Milan: Feltrinelli.
- Rubin, Isaak Ilich (1972). *Essays on Marx's Theory of Value*. Detroit: Black and Red.
- Schlesinger, Rudolph (1951). *Soviet Legal Theory*. London: Routledge.
- Sweezy, Paul (1951). *La teoria dello sviluppo capitalistico*. Torino: Einaudi.
- Warrington, Ronnie (1981). “Pashukanis and the Commodity Form Theory”. *International Journal of the Sociology of Law* 9.1: 1–22.
- Warrington, Ronnie (1993). “Pashukanis and the Commodity Form Theory”. In *Marxian Legal Theory*, ed. Csaba Varga, p. 982–996. Aldershot: Dartmouth.